Каждый «новый» Шамиль противоречит тому Шамилю, который был прежде.
(С. 22)

Это вам не хухры-мухры и не халам-балам известной детективщицы Донцовой...
(С. 36)

ДАГЕСТАН

№10 (109)
ОКТЯБРЬ 2014

Магомед Асиятилов:
Моментально жизнь не может поменяться в лучшую сторону, но идет поступательное движение вперед.
(С. 4)

Лезгинские ковры и горные рыбаки
(С. 13)

От китайского грузовика до российского самолета
(С. 18)

М.Ю. Лермонтов на языках народов Дагестана
(С. 32)

«Ruskaя чурка» Алина Валинурова
(С. 43)

Анжи-Кала – Москва – Вена
(С. 56)

Коммерческая ипотека для малого бизнеса*

г. Махачкала, пр-т Р.Гамзатова, 93, тел: 8 (8722) 67-57-20
г. Махачкала, пр-т И. Шамиля, 40 "д", тел: 8 (8722) 55-09-69

8 800 200-02-90 | **www.rshb.ru**
Звонок по России бесплатный

РоссельхозБанк

*Кредиты на приобретение объектов недвижимости под их залог.
ОАО "Россельхозбанк". Генеральная лицензия Банка России № 3349 (бессрочная). Реклама.

Колонка редактора

Рейтинг доверия или ожиданий?

«Вы знаете, народ против Абдулатипова? Ему не верят, как в прошлом году, он родственников своих назначил…» Можно сказать, что почти каждый день слышу я мелкие обиды и разного рода упреки от людей в адрес Главы Дагестана.

В прошлом году, когда на одной из передач озвучили результаты общественного опроса о доверии Главе республики, сам Рамазан Абдулатипов серьезно насторожился. «Это не рейтинг доверия, это процент надежд и ожиданий дагестанцев, это очень опасная цифра, он может бумерангом ударить меня через определенное время», – сказал Абдулатипов. Он как опытный политик понимал, что невозможно угодить более семидесяти процентам населения, а рейтинг ожиданий был запредельно высоким, будто пришел человек с волшебной палочкой.

Теперь вдумайтесь, на чем были основаны те семьдесят процентов доверия или надежд? Что мог бы Абдулатипов изменить за столь короткий промежуток времени, находясь в руководстве того же субъекта, той же страны, с теми же механизмами управления и теми же полномочиями? Многое из того, что мог бы, он изменил, но это ничтожно мало в сравнении с тем, что ожидал от него народ. А народ ждал чуда. Почему? Потому что никто до него открыто не обозначал те болевые точки Дагестана и не ставил вопрос решения этих проблем. Прежние руководители не разговаривали так искренно и откровенно с общественностью – они были закрыты от народа, пребывая в собственном, отдаленном мире. У народа и не было надежд, что при них что-либо изменится. Их приход принимали как крест, как судьбу, а тут человек объясняет, что от воли каждого, инициативы, мировоззрения и миропонимания тоже зависит что-то. Это и изменило отношение общественности к власти. Каждый, кто понял это, стал критиковать Главу республики.

Это было ожидаемо. Такова судьба всех реформаторов, демократов и руководителей, которые дали свободу и относились к народу почеловечески. В истории тому много примеров. Государь император Александр II, отменивший крепостное право, введший суды присяжных и заложивший основу Российского парламентаризма, – после десятка покушений был взорван. Взорвали его вчерашние рабы, народовольцы, «бесы», которых увековечил в своем бесценном произведении Федор Михайлович Достоевский. Убили и Александра Столыпина – выдающегося человека, премьера-реформатора, который из России делал великую аграрную державу. И царя Николая II свергли те же рабы. Кто их кумир? Их кумиры – деспоты и диктаторы, утопившие страну и народ в собственной крови, – Иван Грозный, Петр Первый, Николай I и большевицкий царь Иосиф Сталин.

Такова природа человека. И в Дагестане это явление приобретает не менее уродливую форму. Главу республики не услышат тут, пока не появятся у него собственные опричники, которые снесут пару десятков буйных голов. Нет, я не призываю к этому – мне противны такие правители; к сожалению, чтобы управлять, в истории очень часто прибегали именно к этому методу.

В совсем недавней, новейшей истории Дагестана тоже действовал сей позорный метод управления – к сожалению, для быдла ничего другого не придумали. Иначе зачем без конца клеветать на человека за то, что он с них не спрашивает? Могло ли такое быть при «жесткой руке», по которой соскучилась часть холуев? Некоторые из читателей могут возмущенно спросить: «Вы хотите сказать, что Абдулатипов все делает правильно?». Отвечаю: «Нет. Из того, что он делает, не все нравится мне. Но это последний шанс для Дагестана. Если мы не сохраним Абдулатипова, то получим в руководители одного из многочисленных бандитов, проложивших путь к вершине власти через горы трупов, или прикомандированного военного с солдафонским мышлением и ограниченным умом. Чего я вам не желаю, несмотря на то, что вы это заслужили».

Магомед Бисавалиев

ДАГЕСТАН

№10 (109) октябрь 2014 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
печати и информации РД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Магомед БИСАВАЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
http://journaldag.ru
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:
Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.
ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1500 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

Содержание номера:

Гамзат Изудинов
Страна башен и легенд
С. 4

Наида Хаспулатова
Рыбы и овцы
С. 13

Андрей Меламедов
Накануне большого рывка
С. 18

Махач Мусаев
Ребекка Гульд об имаме Шамиле
С. 22

Алибек Омаров
«Люблю я цепи синих гор…»
С. 32

Магомед-Расул
Художественное слово Вацлава Михальского
С. 36

Евгений Тарланов
«Ruskая чурка»
С. 43

Умайра Абдусаламова
Сим-сим, откройся!
С. 47

Жемилат Ибрагимова
Узы
С. 52

Саид Ниналалов
Деньги
С. 56

Гамзат Изудинов

Страна башен и легенд

Шамильский район – обетованная земля для любителей старины, для тех, кто увлекается этнотуризмом, кого не оставляет равнодушным вид «пыльных развалин» и старинных башен, для тех, кто готов «путешествовать по времени». Почти каждый населенный пункт этого района – музей под открытым небом.

Особый интерес у гостей вызывают, конечно, башенный комплекс Старого Гоора и Старый Кахиб, выдолбленный в скалах, напоминающий самое настоящее орлиное гнездовье. В Шамильском районе сохранилась единственная в Дагестане старинная церковь – около селения Датуна. К данному культурно-историческому объекту тоже приковано пристальное внимание – как историков-специалистов, так и обычных путешественников. В этом номере журнала «Дагестан» мы перенесемся в страну Хочбара, башен и легенд – в Шамильский район. На наши вопросы отвечает глава муниципального образования «Шамильский район» Магомед Асиятилов.

ПЕРВЫЙ В ГОРНОМ ОКРУГЕ

– Магомед Суракатович, Шамильский район удостоился первого места по социально-экономическому развитию среди районов высокогорной зоны по итогам 2013 года. В августе этого года представитель Главы Дагестана в Горном территориальном округе (ГТО) Магомедгаджи Зайнулабидов вручил вам диплом первой степени и поздравил с этим достижением. По вашему мнению, из-за каких показателей ваш район занял лидирующие позиции среди 17 муниципалитетов ГТО?

– Корень нашего успеха – это, в первую очередь, слаженная работа не только всего коллектива районной администрации, но и тружеников района, а также выходцев из района, которые готовы поддержать свою малую родину и выступают в качестве инвесторов. В последние годы нами сделано очень много, чтобы осуществить качественный рывок по всем отраслям экономики. И нам очень приятно, что республиканские власти отметили наши старания. Нам удалось добиться таких показателей и выйти на первое место в высокогорной зоне Дагестана благодаря поддержке республиканских властей, в первую очередь – Главы Дагестана Рамазана Абдулатипова, а также – председателя Правительства РД Абдусамада Гамидова, руководителей всех министерств и ведомств.

Неплохих показателей мы добились в области образования, здравоохранения, культуры и спорта. Благодаря частным инвесторам – патриотам района, успешно реализуются приоритетные проекты главы Республики Дагестан, в частности, «Эффективный АПК».

Лидирующее место Шамильский район обеспечил себе за счет максимального выполнения плановых значений по таким показателям, как: площадь закладки многолетних насаждений (сады) – 206,7%; объем инвестиций в основной капитал, за исключением бюджетных средств – 312,3%; объем выполненных работ по виду деятельности «Строительство» – 186,4%; оборот субъектов малого и среднего предпринимательства – 440,2%;

налоговые и неналоговые доходы бюджета муниципального района –136,1%

Высокие результаты получены и по другим показателям. К примеру, наблюдается рост количества эффективных субъектов малого и среднего предпринимательства, благодаря которым значительно увеличился оборот розничной торговли, увеличилось и количество созданных рабочих мест.

Конечно, не все начинания нам удалось воплотить, есть и проблемы. Это и необеспеченность всех детей дошкольными образовательными учреждениями, и наличие доли автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям.

Село Гоор. Башни

Много незавершенных проектов и нереализованных идей. Надо сказать, что здесь без помощи республиканских органов нам трудно будет обойтись, и мы работаем в этом направлении и полны решимости довести до конца каждый объект и каждый участок деятельности.

Актив и труженики района нацелены на завоевание лучших результатов, так как воодушевлены поддержкой на всех уровнях властей и тем фактом, что наше усердие по достоинству оценено.

ШКОЛЫ, БОЛЬНИЦЫ, СПОРТЗАЛЫ…

– Вы руководите Шамильским районом с 2009 года. Какие сферы жизнедеятельности вам удалось развивать, какие направления были приоритетными в вашей работе, какие важные объекты были сданы в эксплуатацию за это время? Повысился ли уровень жизни населения?

– Сделано немало и предстоит еще многое сделать. В районе построены новые здания для больниц – для туберкулезной больницы республиканского значения, расположенной в селе Кахиб (снесли «хибару» 30-х годов прошлого столетия и соорудили новое строение), и хирургический корпус районной больницы, строительство которого было начало еще в 2004 году. Хирургический корпус на 30 коек будет оснащен современным медицинским оборудованием. Сдачу этого объекта мы запланировали на конец текущего года. Реконструкция и расширение Кахибской межрайонной туберкулезной больницы, как и строительство хирургического корпуса районной больницы, производились по федеральной целевой программе «Юг России».

Кроме того, на строительство социально важных объектов мы выделяем средства и из местного бюджета, подключаем также инвесторов.

Открыли два игровых спортивных зала – в селах Гоор и Батлух, – где созданы все условия для тренировок в течение круглого года: функционирует система отопления, обеспечен весь необходимый сервис.

В рамках реализации федеральной целевой программы (ФЦП) «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2015 гг.» с руководством дагестанского филиала РТРС было достигнуто соглашение о содействии со стороны района в ускорении работ по переводу наземного эфирного телевещания с аналогового на цифровой формат. Чтобы доставить оборудование цифрового телевидения, на средства районного бюджета была проложена подъездная дорога протяженностью 8 км на вершину горы Хабирох, вблизи села Хучада, где и была установлена радиопередающая антенна.

Работы по установке цифрового оборудования завершились, и теперь жители района получили возможность смотреть десять цифровых телеканалов.

Кроме того, еще одну вышку для цифрового вещания установили и на Ругельдинском участке, которую также ввели в эксплуатацию.

В рамках республиканской целевой программы «Социальное развитие села» совсем недавно сдали в эксплуатацию ФАП в селе Могох и водопровод в поселении Хотода.

Еще одно радостное событие: в рамках Года культуры на средства районного бюджета завершается капитальный ремонт районного Дома культуры, который получит новое название – Центр традиционной культуры. Здание буквально преобразилось и ничем не уступает столичным залам.

Заявленное в 2014 году по федеральной целевой программе «Юг России» строительство нового здания для Гентинской средней школы на 213 учеников идет к завершению; планируем сдать его в эксплуатацию к следующему учебному году.

– Раз мы затронули вопросы образовательной сферы, хотелось бы узнать, в каких населенных пунктах ожидается строительство новых корпусов для школ, – в республике немало «дворцов знаний», находящихся в аварийном состоянии.

– Вы верно заметили: как в других районах республики, так и у нас тоже немало старых зданий школ, построенных в начале прошлого века. Когда я стал главой Шамильского района, обнаружил, что многие образовательные учреждения 30-х годов прошлого века никак не ремонтировались. Из бюджета района ежегодно мы выделяем средства на проведение капитального ремонта в таких школах. В 2012 году сгоревшую дотла Тляхскую среднюю школу мы практически заново отстроили на средства районного бюджета. В 2013 году провели капитальный ремонт здания Хебдинской средней школы, полностью поменяли окна в Тидибской и Мачадинской средних школах. В 2014 году такой ремонт провели в Хучадинской и Куанибской основных школах.

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ

– Как бы вы охарактеризовали инвестиционный климат в Шамильском районе? Созданы ли благоприятные условия для потенциальных инвесторов? Какие объекты сооружены благодаря финансовым вливаниям извне?

– Мы привлекли инвесторов и открыли пожарную часть в райцентре. Представители МЧС РФ тоже пошли нам навстречу. Но пока МЧС не построит новое здание для пожарной части или не выкупит это здание у предпринимателя, пожарные будут размещаться в частном корпусе – уже второй год они работают в здании, возведенном частным инвестором.

Состоятельные выходцы из района, бизнесмены готовы инвестировать в свою малую родину. В этом году также ожидается открытие десяти футбольных мини-полей с искусственным покрытием: в селах Кахиб, Могох, Хотода, Мачада, Гоор и в др. В селении Урада такое поле уже сдано в эксплуатацию. Мы считаем, что ведение здорового образа жизни и вовлечение молодежи в спорт предотвратит новое поколение от попадания в криминальные и экстремистские группировки, оградит молодежь от асоциальных идей насилия и зла.

Село Ругельда

Благодаря энтузиазму местных инвесторов практически с нуля построены и функционируют прекрасные детские оздоровительные лагеря, где созданы все условия для отдыха детей не только Шамильского района, но и из других районов республики: «Радость» в с. Куаниб, «Каскад» в 5 км от Кородинского моста, «Спарта» в сел. Хучада.

Реализуется инвестиционный проект «Агротуристический лагерь “Родники”» в селении Мачада. Участок площадью 36 гектаров, отведенный под строительство туристической базы, прошел регистрацию права собственности; он расположен в живописном уголке у подножия Богосского хребта на высоте 1950 метров над уровнем моря. На сегодняшний день на данном объекте уже освоено 20 млн рублей частных инвестиций, создана необходимая инфраструктура туристской базы: завершено строительство подъездной дороги, проведены водопровод и электричество, возведены спальный корпус, столовая и спортзал. Данный инвестиционный проект можно будет рассмотреть и для обслуживания туристов, прибывающих на туристическую базу «Матлас», входящую в туристический кластер Северного Кавказа.

Мечеть и башня Старого Кахиба

320 МИЛЛИОНОВ ЧАСТНЫХ ВЛОЖЕНИЙ В АПК

– Дагестан – это преимущественно аграрная республика. В горной зоне Дагестана тоже издревле занимались сельским хозяйством. Исследователи отмечают, что дагестанское террасное земледелие и садоводство – это уникальное явление. Удается ли соединять седую древность с современными научными технологиями? Приобщаются ли сельхозработники в горах к механизированному труду? Имеются ли примеры успешных фермерских хозяйств в горной зоне? Как обстоят дела с поддержкой малого предпринимательства? Какие из СПК являются преуспевающими? Расскажите о темпах реализации приоритетного проекта развития Дагестана «Эффективный агропромышленный комплекс».

– Из 19 сельхозпредприятий 17 закончили 2013 год с положительным балансом. Положительная динамика в развитии сельского хозяйства района в течение ряда лет наблюдается в таких хозяйствах, как СПК им. Гасанова, СПК «Уриб», СПК «Гентинский», СПК «Андыхский», а также в малых хозяйствах: СПК «Алмаз», СПК «Лотос», СПК «Отгонник», СПК «Золотое руно».

Весомый вклад в развитие агропромышленного комплекса вносят и фермерские хозяйства, среди которых следует отметить: в животноводстве – КФХ «Арша», «Симан», «Гъази», «ХIарада», «Кули», «Барти-2», «Гула-кули»; в садоводстве – КФХ «Кобони», «Восток», «Гидмост», «Мякоть», «Садовод, «Юмна».

За 2013 год предприниматели – выходцы из Шамильского района, произвели 320 миллионов частных вложений в развитие агропромышленного комплекса. Приведу только два примера. Из неиспользуемых земель СПК «Урадинский», расположенных в Кумторкалинском районе, 100 га сельхозугодий были переданы в аренду КФХ «Садовод». Пустующая земля в течение двух лет превратилась в оазис в прямом значении этого слова. Посажено 50 га молодых виноградников, более 30 га садов по интенсивной технологии, производится капельное орошение, создана вся инфраструктура: подъездные и внутрихозяйственные дороги, электричество, общежитие для рабочих,

инвестор строит мини-винзавод и т.д. Средняя зарплата рабочих – 15 тыс. руб., создано дополнительно около 70 рабочих мест. Уже вложены и освоены более 150 млн руб. частных инвестиций (инвестор – Гаджиев Магомед Магомедович из села Урада).

Также на прикутанных землях СПК «Уриб», расположенных в Бабаюртовской зоне отгонного животноводства, реализуется очень важный для республики инвестпроект стоимостью более 200 млн рублей (инвестор – ООО «Унисервис», гендиректор – Алиев Омарасхаб Магомедович из села Уриб).

На сегодняшний день уже освоены 120 млн руб. частных инвестиций, завершена первая очередь – инфраструктура и мукомольный комбинат, аналогов которому на Северном Кавказе нет; мощность его более 90 тонн в сутки, вся технология – импортная, монтаж произведен специалистами из Турции. Там же планируется строительство комбикормового комбината на 20 тонн в сутки и откормочного комплекса на 200-500 голов КРС. Самое главное, все это будет привязано ко всем хозяйствам района, в том числе и к ЛПХ (подворья). Хозяйства и подворья будут получать здесь муку, комбикорма для своих нужд, а сами, в свою очередь, будут поставлять для откорма поголовье КРС.

Эти предприятия зарегистрированы в Шамильском районе, и, соответственно, бюджет района пополняется налоговыми отчислениями.

Специалисты из Минсельхоза РД периодически приезжают в район, проводят семинары по стимулированию малого и среднего предпринимательства. В горах тоже имеются крепкие фермерские хозяйства. Садоводством занимаются фермеры из Голотля, Датуна, Урада, из других сел. Частные предприниматели из сельского поселения Уриб заняты в животноводческом сегменте АПК.

– Какие СПК района имеют прикутанные земли? Есть ли хозяйства, допустившие нерациональное использования данных земель сельскохозяйственного назначения? Как вы работаете с такими кооперативами?

Из девятнадцати СПК района только два – СПК «Дагбашский» и СПК «Голотлинский», не имеют прикутанных земель. Остальные имеют прикутанные земли в Южно-Сухокумской, Кизилюртовской, Кумторкалинской, Бабаюртовской и Кочубеевской зонах отгонного животноводства. Общая площадь сельскохозяйственных угодий района составляет 110,5 тысяч гектаров, распределены они следующим образом: под пастбища – 90%, под пашни – 3%, под сенокос – 6,5%, под сады – 1,5%, под виноградниками – всего 4 га. Площадь орошаемых земель составляет около 7% от всех сельскохозяйственных угодий (6,2 тыс. га).

На прикутанных землях, закрепленных за хозяйствами района, много заболоченных, непригодных для использования земель. Нами уже получено согласие на уровне Минимущества РД на использование таких земель (а это примерно 200-300 га) под пруды – для разведения частиковых пород рыб.

Мечеть в селении Тлях

ИНСТИТУТ ПОЛПРЕДОВ В ДЕЙСТВИИ

– Как глава района, что вы скажете об инициативах и проектах, реализуемых Главой Дагестана Рамазаном Абдулатиповым? Как вы относитесь к политике «очищения и обеления» руководителя республики? Как отражается на деятельности муниципалитетов создание в Дагестане четырех округов и назначение в каждом из них полномочных представителей

Главы республики? Имеется ли опыт положительного решения тех или иных проблем институтом полпредов Главы Дагестана?

– Любой дагестанец, которому небезразлична судьба Дагестана, положительно воспринимает начинания Главы республики Рамазана Абдулатипова. Моментально жизнь не может поменяться в лучшую сторону, но идет поступательное движение вперед. Политика очищения и обеления направлена на наведение порядка в республике. Что касается института полпредов Главы Дагестана, то этот ресурс показал свою жизнеспособность и действенность, хотя поначалу многие главы районов относились к нему скептически. Например, в Горном территориальном округе полпредом Главы республики является опытный политик, хозяйственник Магомедгаджи Баширханович Зайнулабидов, который не понаслышке знает проблемы каждого муниципалитета и способствует решению возникших вопросов. Полпреды помогают главам районов, в том числе во взаимодействии с федеральными органами и во многих других ситуациях.

Гидатлинец на коне. XXI век

ГОЛОТЛИНСКИЙ ЗАВОД, БИРЮЛЕВО, ХЕБДИНСКАЯ ЯРМАРКА

– Функционируют ли на территории МО «Шамильский район» заводы, фабрики, цеха?

– В районе функционирует 4 предприятия, выпускающих промышленную продукцию.

Консервный завод СПК «Возрождение» (с. Голотль) в 2013 году произвел абрикосового сока на 5,4 млн рублей. Хотя продукция Голотлинского завода натуральная, качественная, без вредных примесей и ингредиентов, к тому же и гораздо дешевле прочих соков с красителями, все же, как и на многих подобных предприятиях, здесь существует проблема со сбытом. Если бы был спрос, завод мог бы выпускать в пять, десять раз больше банок, чем сейчас. Мы покупаем продукцию этого завода для школ, дошкольных учреждений, интернатов.

Голотлинский консервный завод был открыт еще при советской власти, круглый год в нем трудились восемьдесят человек. Теперь же в работе задействованы лишь тридцать человек, и то – посезонно. Завод переживает не лучшие времена. На этот завод привозят свою продукцию садоводы из Шамильского и из других районов. Хотя в этом году из-за ранних весенних заморозков было мало фруктов, в урожайные годы Голотлинский завод выручает многих сельхозпроизводителей.

В двух филиалах КЭМЗ, расположенных в селах Хебда и Мачада, произведено трикотажной продукции (школьная форма, утепленная детская и взрослая одежда) на сумму 1,9 млн рублей. В Урибском филиале ООО «Унисервис» произведено трикотажной продукции (спецодежда) на сумму 0,7 млн рублей.

– Дагестанцы вывозили фрукты и другую сельхозпродукцию в Москву, на овощебазу в Бирюлево. Это был крупный рынок сбыта продукции республики. Как мы знаем, вокруг этой базы создали грандиозный ажиотаж и, воспользовавшись провокацией, приостановили работу овощебазы. По вашему мнению, какие интересы лежали в основе этой шумной кампании, и какова дальнейшая судьба данного объекта?

– Конечно, в данном случае мы имеем дело с чистой воды провокацией, рейдерством, наличием экономического интереса со стороны конкурирующих фирм к обощебазе в Бирюлево. Думаю, что овощебаза заново заработает,

в этом направлении шаги предпринимаются. Глава Дагестана Рамазан Абдулатипов тоже многое делает, чтобы этот объект снова открыл двери. Шамильский и другие районы Дагестана поставляли продукцию на эту овощебазу. Надеемся, что мы не потеряем этот рынок сбыта. И москвичам выгодно получать качественную, натуральную продукцию за умеренную цену.

– Большая часть сельскохозяйственной продукции оседает в самих районах. Например, овцеводы жалуются, что шерсть вообще обесценилась, мол, раньше Минобороны заказывало ее для изготовления шинелей. Теперь же за стрижку овец СПК отдает больше, чем получает за продажу шерсти. Создаются ли условия на местах для торговли и сбыта сельхозпродукции?

– Воскресный рынок, который находился в районном центре Хебда, рядом с республиканской автодорогой, создавал много неудобств для автотранспорта. Теперь для ярмарки выбрана очень удобная и просторная площадка в двух километрах от районного центра, на берегу реки Аварское Койсу, здесь жители и гости района могут напрямую, без посредников, торговать выращенной сельхозпродукцией. На площадке создана вся необходимая инфраструктура. В отдельном месте оборудован скотный рынок с местами для убоя, для торговцев промышленными товарами построены прекрасные навесы.

Устное замечание Главы Республики Дагестан Рамазана Гаджимурадовича Абдулатипова о воскресной ярмарке в центре села Хебда, через который проходит пассажиропоток в три соседних района, не было проигнорировано. В октябре 2013 года руководство района с привлечением частного инвестора приняло решение перенести ярмарку за пределы райцентра (на расстояние 1,5 км). Под объект был выделен земельный участок площадью 3000 кв. м. Уже построены два крытых павильона типа «торговый ряд» на 600 посадочных мест по 140 метров длиной каждый, площадка для стоянки автотранспорта, два загона для КРС и МРС, скотобойня, крытый мясной павильон длиной 15 метров и магазин для повседневной реализации мяса.

Раз в неделю (в воскресенье) проходит эта межрайонная ярмарка. Сейчас мы строим хранилище для мяса, устанавливаем холодильники, чтобы у людей была возможность в любое время покупать здесь продукцию. На постоянной основе будут действовать мясной павильон и другие секторы. В дальнейшем планируется запустить здесь постоянно действующий рынок. На ярмарку съезжаются жители Тляратинского, Цунтинского районов, Бежтинского участка, выходцы из даргинских, лакских и других районов Дагестана. В открытии ярмарки принимал участие и министр сельского хозяйства и продовольствия РД Баттал Батталов.

Башня наиба имама Шамиля Мугурил Гитинава, с. Хотода

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

– Какова демографическая ситуация в районе? Сколько человек прописано в Шамильском районе? Сколько выходцев, примерно, из вашего района проживают за пределами Дагестана, в мире? В каких регионах проживают переселившиеся с гор уроженцы вашего муниципалитета?

– На сегодняшний день в Шамильском районе, по данным переписи 2010 года, прописано 28 122 человек. Переселившиеся из своих родовых аулов выходцы Шамильского

района проживают в основном в Ленинкенте, Кизилюртовском, Кизлярском, Тарумовском районах РД, а также в других городах и районах республики. За пределами Дагестана тоже проживают многочисленные диаспоры. Например, в Москве – 260 семей урадинцев, моих односельчан. Уроженцы Шамильского района живут в Ставрополье, в Астраханской области, во многих других городах и регионах России, а также и за рубежом. В мире нас около пятидесяти тысяч – по моим расчетам.

Боевая башня. Село Мусрух

ВЫБОРЫ – БЕЗ ИНЦИДЕНТОВ

– Сколько избирателей в вашем муниципалитете?

– С правом голоса – 17 тысяч человек с небольшим.

– По инициативе Главы Дагестана депутаты Народного собрания республики рассмотрели законопроект о муниципальных выборах, предусматривающий проведение выборов не всенародно, а представительным органом, местными депутатами. Законопроект принят в первом чтении. По вашим оценкам, введение новой выборной системы на местах – это благо или зло?

– В 2009 году меня тоже так выбирали главой МО «Шамильский район» – голосованием местных депутатов. По новому законопроекту, и главы местных поселений принимают участие в выборе главы района. Думаю, эта система будет функционировать намного лучше, потому что в местные депутаты выдвинуты лишь люди достойные, которые положительно зарекомендовали себя, и они, в свою очередь, проголосуют за главу муниципалитета. При принятии нового закона все муниципальные выборы пройдут по новой схеме, раньше был разнобой: где-то выбирали местные депутаты, где-то – всенародно. В Шамильском районе практиковались выборы, проводимые голосованием местных депутатов. В нашем районе, слава Аллаху, не было инцидентов, конфликтных ситуаций, связанных с выборным процессом. Надеюсь, в дальнейшем тоже не возникнут проблемы в этой сфере.

БАШЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ

– 2014 год объявлен Президентом России Владимиром Путиным Годом культуры. В Дагестане проводится много фестивалей и других мероприятий, нацеленных на сохранение и развитие самобытной культуры республики. На прошлой неделе мы побывали в Шамильском районе, осмотрели культурно-исторические памятники, которыми изобилует ваш район. Старинные башни – бренд вашего района. Следует признать, объекты культурно-исторического наследия не везде охраняются, например, из десяти башен Старого Гоора семь разрушены. Датунская церковь была отреставрирована, но специалисты подвергли критике деятельность этих горе-реставраторов. Что делается для сохранения данных исторических памятников? В Шамильском районе имеются все предпосылки для развития этнотуризма. Проводится ли работа в этом направлении?

– Что касается храма около селения Датуна, надо признаться, что, как положено, там реставрационные работы не провели. А проводили их подрядчики Минкультуры РД. Ежегодно по линии Министерства культуры РД выделяются

определенные средства на реставрационные работы, хотя на восстановительные и охранные работы всех памятников культуры этих финансов не хватает. Но Гоорские, Кахибские башни мы потихоньку приводим в порядок. Сохранившиеся по сей день культурно-исторические памятники оберегаются нами, и мы не дадим распространиться разрушительным процессам. В ближайшее время в районе будет открыт культурный центр. Здание районного дома культуры находилось в таком плачевном состоянии, что в нем стыдно было проводить мероприятия. На месте старого строения мы возвели современное здание культурного центра, на что было израсходовано более 6 миллионов рублей. Это и средства районного бюджета, и вливания бизнесменов. Культурный центр – лицо района, поэтому и было принято решение построить новое здание для него.

Совместно с Комитетом по туризму РД мы работаем над тем, чтобы включить Старый Гоор и Старый Кахиб в маршруты этнотуризма, хотим сохранить хотя бы то, что до наших дней не разрушено. Действительно, в этом вопросе государственные структуры и частные инвесторы должны работать сообща.

АВАРО-КАХЕТИНСКАЯ ДОРОГА ЖИЗНИ

– Во многих ранее благополучных районах раздаются выстрелы, звучат экстремистские лозунги, участились теракты. За последние два года в Шамильском районе тоже появились экстремистские группировки, не раз объявлялся режим КТО. Что повлияло на изменение общественно-политической и религиозной обстановки в районе? Продолжается ли строительство Аваро-Кахетинской дороги после нападения террористов, произошедшего 26 сентября 2014 года?

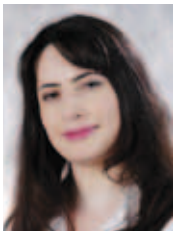
– Действительно, Шамильский район находился в стороне от проблем экстремизма и терроризма. В последнее время в некоторых населенных пунктах появились очаги распространения экстремистских идей. Конечно, мы проводим работу против экстремизма, периодически собираем имамов сельских поселений, беседуем с родителями и родственниками представителей молодежи, вступивших на путь заблуждения. До последних двух лет случаев применения оружия на почве идеологической неприязни не было. В селении Телетль террористы совершили убийства главы села и его родственника. По этому поводу был созван сход телетлинцев. Как выяснилось, экстремистские идеи в этом поселении не воспринимаются, только одна семья разделяет эти взгляды. Создана дружина из числа сельчан. Мы пытаемся воздействовать словом, проповедями ученых, мудростью аксакалов. С «лесными» работают силовики, задача светских властей и общества – уберечь людей от распространения идей насилия и экстремизма.

Строительство Аваро-Кахетинской дороги, естественно, будет продолжено. Для обеспечения безопасности дорожникам сюда прикомандированы силовики из других районов. В 2 часа ночи 8 октября лица, причастные к нападению на строителей Аваро-Кахетинской дороги, получили заслуженное наказание – в ходе боестолкновения были ликвидированы. Ими оказались три уроженца Табасаранского района, находившиеся в федеральном розыске за посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов.

Уверен, что недалек тот день, когда мы все будем вспоминать сегодняшние беды Дагестана, как страшный сон. Хочу пожелать всем нам, Дагестану и всей России – мира и процветания, чтобы, наконец, наша молодежь, зараженная бредовыми идеями идеологических лжеэмиссаров, очнулась и больше не сворачивала с истинного пути наших отцов и дедов.

Зиярат ученого Ибрагима-хаджи из Урады

Фото автора



Наида Хаспулатова

Рыбы и овцы

УХОДЯЩЕЕ ИСКУССТВО

В комнате, где стоит станок, лезгинские ковры покрывают пол в несколько слоев. Ирина Гаджиева ткет сумаг так же, как ткали ее мать, бабушка и прабабушка, – натянутые нитки, старинный узор и расцветка. Техника изготовления сумагов точно такая же, как у гобеленов в Западной Европе, только рисунки совсем другие. В узоре «кабирский», по названию родного села Ирины, в котором ее предки жили на протяжении тысяч лет, зашифрованы знаки, пожелания, истории, восходящие еще к Кавказской Албании, чьей частью была эта земля в начале нашей эры. Ткет Ирина его на продажу – заказчики за сумаг 2х4 метра заплатят 15 тысяч рублей, без стоимости ниток.

Когда-то этим вечерами занимались фактически все женщины Курахского района, в Кабире и Икре были большие ковровые фабрики. Но сегодня Ира – единственная ковровщица, которую мы нашли в районе. Конечно, наверняка еще есть человек пять, но общая тенденция понятна – древнее ремесло ковроделия уходит в прошлое.

Хотя, по словам курахцев, покупателей на местные ковры, яркие и таинственные, которые десятилетиями не снашиваются и не тускнеют, много. Особенно ценятся старинные, хотя и новые, с традиционными узорами и расцветкой, быстро уходят. Но молодое поколение ткать не хочет – слишком тяжело. Вот и дочка Ирины – уже взрослая замужняя женщина – вроде бы маме помогает, но сама за ковер не берется. Хотя работу найти в районе тяжело.

ИНТЕРНАТ ДЛЯ ЮЖДАГА

Основной источник работы – социальная сфера. Для района, в котором живет 15 тысяч человек, она достаточно развита. Здесь 29 школ, 13 детсадов, две больницы, ФАПы в каждом селе, пожарная часть. Причем 4 детсада открыли за последние три года. Особая гордость – в прошлом году в селении Икра была открыта спортивная школа-интернат на 320 мест. Интернат построен и оборудован в соответствии с современными стандартами: общежитие, спортзал с единственным тренажерным залом в районе, легкоатлетическое поле. На открытие приехал Глава Дагестана. Рамазан Абдулатипов был приятно удивлен хорошей русской речью ребят начальных классов.

«Каких бы учителей вам ни дали, какую бы школу ни построили, вы не станете умными

Ирина Гаджиева за работой

людьми, если сами этого не захотите. Школа и вуз дают знания тем, кто хочет их принимать. Самое главное, чтобы вы хорошо учились, работали, умели защищать свою Родину», – обратился Глава республики к школьникам, собравшимся на праздник. Осмотрев интернат, Абдулатипов вручил сертификат на компьютерный класс. И сейчас занятия в компьютерном классе – самые любимые у маленьких горцев.

Компьютерный класс

Здесь живут и учатся дети из Курахского, Ахтынского, Сулейман-Стальского районов, из высокогорных сел и кутанов, где нет средней школы. Родители сейчас очень заинтересованы в полноценном образовании и спортивной подготовке, которое трудно получить в крохотной школе, где всего 3-4 учителя, и ради будущего детей готовы отпустить их от себя. Есть в интернате даже несколько горожан, их родители – выходцы из здешних мест, отправили, чтобы они в совершенстве выучили лезгинский язык.

Р. Абдулатипов посетил интернат

СТАРЫЙ ПРОМЫСЕЛ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Это достаточно холодный и высокогорный район, где почти нет пригодных для земледелия угодий. И поэтому основным занятием местных жителей всегда было и продолжает оставаться животноводство. Сейчас здесь свыше 20 тысяч коров, 50 тысяч овец. В свое время республиканский комитет по поддержке малого бизнеса выделил 6 миллионов рублей субсидий и 8 миллионов дешевых кредитов – благодаря этой поддержке в первый же год поголовье увеличилось на 25%.

Абдуллах Рамазанов

Абдуллах Рамазанов, председатель СПК «Амадаг», заслуженный работник сельского хозяйства РД, пасет скот всю свою жизнь. Стадо достаточно большое – 70 коров, 1 500 овец. Летом они пасутся на пастбищах в селении Ашар Курахского района, зимой – в Дербентской зоне. В СПК работают 5 человек, все немолодые. «Не идет молодежь в нашу профессию, – жалуется аксакал. – В городах они зарабатывают больше и легче. Государство субсидирует только маточное поголовье, шерсть мы выбрасываем. Мясо, напичканное антибиотиками и гормонами роста,

по демпинговым ценам привозят из Украины. У нас же мясо чистое, и поэтому совсем дешевым быть не может. Сейчас этот поток стал поменьше, посмотрим, что дальше будет».

ГОРНЫЕ РЫБАКИ

Рыбы никогда не было в рационе горца, тем более в высокогорном районе. Но наступили новые времена, появились новшества и в кухне. В Курахском районе, около селения Кутул, сейчас разводят рыбу. Уже вырыты пять прудов, в которые запустили мальков 10 видов рыб: золотого карпа, белого амура, усача, толстолобика и т.д. В дальнейшем здесь запланировано строительство еще трех прудов для разведения осетровых и форели. Пока все делается на частные средства. Часть рыбы уже подросла, скоро начнут ее отлов. Предполагается, что с каждого пруда объем высококачественной рыбы составит 12-15 тонн в год. Дальше развивать и вылавливать крупные партии на продажу владельцы прудов надеются с помощью республиканских и федеральных программ по развитию рыболовства, действующих сейчас в Дагестане. Рамазан Абдулатипов в прошлом году после осмотра этих прудов дал указание помочь хозяйству субсидиями.

Воде нашли и другое применение. Около села Икра инвесторы восстановили водяную мельницу, которая стояла здесь еще два века назад. Мука выходит цельнозерновая, из местной пшеницы без ГМО и удобрений – гораздо вкуснее и полезней магазинной. Производительность мельницы – 2 тонны в сутки. Многие уже ждут, есть заказы.

Пруд с мальками рыб

МОДА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ

У Курахского района, как у большинства горных районов, есть несколько сел на равнине. Фактически все земледелие сосредоточено именно там, в горной части – только личные подсобные хозяйства. И если в горном Кочхюре, самом старинном селе района, сейчас живут всего 6 семей, на равнине, в 40 км от Дербента, выходцы из Кочхюра построили самое процветающее село района Бугда-Тепе.

Самая выгодная в этой зоне культура – виноград. СПК «Юг» всего 3 года назад посадил виноградники и сливовый сад площадью 40 га. Пока все делают в основном на собственные деньги – государство покрывает всего 10% расходов на посадочный материал. В этом году получили первый урожай. Управляющий Эмиргамза Джабраилов считает, что государство должно больше помогать фермерам. «Виноградарство требует больших капитальных вложений. Отношение со стороны государства к фермерам должно быть более целевое, чтобы деньги доходили до реальных производителей, а не попадали в руки непонятно кому. И главное для нас – в Ждаге фактически все земли поливные, а воды не хватает. Если будет нормальное орошение, мы расширим наши виноградные плантации еще на 50-60 га».

Э. Джабраилов

Его коллегу, председателя СПК «Берекет» Саида Саидова, которому принадлежит 52 га виноградника, больше волнуют рынки сбыта: «Нам приходится везти урожай в Дербент за 40 км, хотя кругом несколько винодельческих заводов, но у них нет лицензий. Если легче

станет получать лицензии, сразу много винзаводов заработает, и у нас спрос появится. А вообще отвык народ на земле работать, молодежь вся разъехалась, даже мой сын, хотя зарплата у меня в хозяйстве в среднем 15 тысяч, в сезон набегает до 30 тысяч, плюс премии».

Глава МО «Сельсовет Кочхюрский» Аскер Джабраилов, в которое входит Бугда-Тепе, рассказывает, что раньше здесь в основном выращивали бахчевые, чеснок и помидоры, сейчас самым выгодным стал виноград. После долгих лет запустения возрождение началось несколько лет назад. Сейчас 5 СПК, 3 КФХ, у всех есть личное подсобное хозяйство.

А. Джабраилов

«Государство мало помогает. Трудно добиваться субсидий. Хотя люди работают, вкладывают свои деньги. Если бы все официальные программы в области АПК работали, и министерство информировало о них хотя бы глав поселений, было бы гораздо легче», – делится глава сельсовета.

В селе есть средняя школа и детсад, но школа старая, новая же только в планах. «Мы же перспективное село, а инфраструктура не развита; питьевая вода артезианская, делали анализы, признали ее непригодной для питья, а все равно

Строительство дороги в райцентр

Виноградники

пьем. Поливная вода есть, но все время за нее нужно воевать с соседними селами. Но главное – нет дороги, до нас всего 4 км провести. Писали главе республики, правительству. Сейчас у нас уже больше 100 гектаров виноградников, его же нужно вывозить, специалистов возить нужно – как все это делать без дороги? Если люди работают, им надо условия создавать», – уверен Джабраилов.

ПЛАНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Замир Азизов возглавляет Курахский район с 2010 года. Это его родина, он здесь родился и вырос. Приоритеты в работе – развитие социальной сферы и производства.

Идет интенсивное строительство асфальтовой дороги в райцентр, которой здесь никогда не было. За три года проложили 8 км, осталось 4, которые заложены в план «Дагавтодора» на следующий год. Асфальтируются и древние улицы самого Кураха и других сел. В прошлом году торжественно, в присутствии Главы Дагестана Рамазана Абдулатипова, в эксплуатацию ввели подводящий газопровод от Штула до Кураха, сейчас идет внутренняя газификация.

Главной своей задачей глава района считает обеспечить людей работой. И создание социальной инфраструктуры дает немало бюджетных мест. За последние годы в районе построены 4 детсада, 4 спортзала, пристройка к спортшколе и школа-интернат. Три года назад открыли пожарную часть, это тоже 25 рабочих мест, открыли Центр традиционной культуры.

Курахский район числится в лидерах Дагестана по сбору налогов. В прошлом году плановое задание выполнили на 136%. Азизов вспоминает: «С первого дня работы собрал комиссию, провели инвентаризацию, сверили цифры с налоговой инспекцией. Выявили полторы тысячи неучтенных земельных участков, больше ста домов. Сейчас могу сказать, что все платят налоги. Теневого бизнеса фактически нет. В этом году соберем еще больше».

Но основное направление – это развитие производства. «Молодежь уезжает, конечно, но сейчас отток уменьшился. Проблему безработицы решить за один день невозможно. Раньше на двух ковровых фабриках в Кабире и Икре работали сотни женщин, мужчины трудились в колхозах, а сейчас ничего не осталось. В Кочхюре, когда я стал главой, уже никто не жил. Сейчас несколько семей уговорил туда вернуться, разводят скот. Строить заводы, фабрики нет возможности – только поддерживать сельское хозяйство. Создали свою МТС, в которой есть вся техника для посева и уборки, подобной станции нет ни в одном другом районе. Через различные программы поддерживаем животноводство – это 80% нашего производства. Восстановили несколько ферм дальше Кураха, новые появились, завезли два вида крупнорогатого племенного скота: калмыцкую мясную и курскую безрогую породы. Сейчас активно сажаем виноградники, сады. Посадили 100 га винограда в дербентской

Глава Курахского района Замир Азизов

зоне – на деньги инвестора, еще один инвестор обещает 200-250 га. Все они выходцы из нашего района, посторонние даже не интересуются. Есть цех по розливу минеральной воды, но оборудование старое, в небольших количествах. Фазанов начали разводить – половину выпустили в лес для размножения, половину на ферме выращиваем», – рассказывает Азизов.

Четыре года назад в районе вообще не сеяли пшеницу. Взялись ее выращивать, и вот уже в прошлом году собрали 2 тысячи тонн, полностью обеспечив потребности своего района. Но главная проблема упирается в сбыт – всю продукцию приходится сдавать перекупщикам за копейки. «Несмотря на все разговоры, интереса к своей продукции мы пока не увидели. Если в магазинах и на рынке цены растут, закупочные пока не выросли ни на рубль. Сейчас подготовлены инвестплощадки под теплицы, цеха по производству сыра и переработке мяса. Начато строительство молочной фермы. Ведутся предварительные переговоры и с инвесторами. Но здесь не обойтись без государственных субсидий или кредитов «Россельхозбанка». Если ничего не помешает, будем развиваться», – уверен глава района.

Село Курах

Андрей Меламедов

Накануне большого рывка

К заводу «Авиаагрегат» у меня отношение особое. Впервые я обратил внимание на это предприятие еще на заре перестройки, когда все наши заводы оказались на распутье. Оборонные заказы, за счет которых они жили, остались в прошлом, и система отношений, выстраиваемых в течение десятилетий, начала рассыпаться, словно карточный домик. Еще вчера каждый их шаг определяли московские главки, а сегодня они вдруг остались совершенно одни, никому не нужные. Какие заводы, когда рубль превращается в бумагу, шахтеры стучат касками у Белого дома, а Ельцин обещает лечь на рельсы?.. А тут еще чеченская война – железная дорога встала, и заводы в одночасье оказались в экономической блокаде, отрезанными от источников сырья и рынков сбыта.

В такие моменты яснее всего становится, чего ты на самом деле стоишь, а сделанный выбор определяет твою судьбу на долгие годы. Как показала жизнь, вариантов выбора у директоров заводов было много. Очень многие выбрали путь пассивного ожидания, в надежде, что вскоре все «устаканится», и вернутся спокойные времена с государственными и оборонными заказами. Именно такое ожидание в свое время и убило сотни предприятий в стране. Умирали заводы по-разному. Некоторые опустили руки и сдались сразу, как Приборостроительный завод в Махачкале, продавший с молотка территорию и оборудование. Другие сохранили свои предприятия чисто формально, при этом превратив их в территории застоя и кладбище устаревших станков (дагестанский пример – завод Сепараторов). Некоторые по примеру завода «Дагэлектромаш» трансформировались в городские рынки, предоставив остатки территории под строительство многоэтажек. Были и выбравшие половинчатый путь – производство сохранялось за счет сокращения территории и организации в освободившихся цехах прибыльных производств (по этому пути, как известно, пошел завод имени Магомеда Гаджиева).

ПОСТАВЩИК АВТОВАЗА

«Авиаагрегат» с самого начала решил выживать исключительно за счет производства. Завод брался за любые заказы, сделав ставку на сотрудничество с «АвтоВАЗом». Сначала полностью обеспечили это предприятие домкратами, затем попытались увеличить портфель заказов. Обратились к руководству российского автогиганта с просьбой доверить предприятию какую-нибудь перспективную разработку – чтобы организовать выпуск необходимого заводу изделия в Махачкале.

Электромеханический усилитель рулевого управления

Тольяттинцы над заводом «кавказской национальности» решили «подшутить», подсунув не в меру амбициозному смежнику заведомо невыполнимый заказ. Как выяснилось позже, за несколько лет до этого на «АвтоВАЗе» решили разработать собственный электроусилитель руля. К моменту описываемых событий вазовское КБ окончательно опустило руки и вынуждено было признать, что эта задача ему не по плечу. Не увенчались успехом и поиски за рубежом – ни один завод за этот заказ не брался. «Старший брат» не учел одного обстоятельства – «Авиаагрегат» долгие годы входил в систему российской авиационной промышленности, которая в СССР всегда была полигоном высоких технологий.

Мощное московское авиационное НИИ помогло дагестанскому заводу, и работа над собственным электроусилителем руля началась. Были моменты, когда работа, казалось, заходила в тупик, а возникающие проблемы представлялись неразрешимыми. Но конструкторы и инженеры «Авиаагрегата» не опускали рук, продолжая доводить новое изделие до необходимых кондиций. И настал момент, когда первая партия дагестанских электроусилителей руля отправилась на ВАЗ.

По существу в то время «Авиаагрегат» стал для «АвтоВАЗа» спасательным кругом – без дагестанского электроусилителя «Калина» с ее ограниченным подкапотным пространством просто не состоялась бы.

Тольяттинцы «отблагодарили» завод очень оригинально – вскоре после начала производства они заключили контракт на поставку электроусилителей с какой-то корейской фирмой. Более того, этой фирме «АвтоВАЗ» предоставил огромный кредит, без которого корейцы к разработке нового изделия приступать отказывались. И хотя политика альтернативных договоров – это обычная практика ВАЗа, коллектив «Авиаагрегата» отреагировал на такое решение партнера весьма болезненно. Правда, нет худа без добра. После того, как корейцы начали поставлять свои электроусилители на ВАЗ, оказалось, что дагестанские изделия ничуть не уступают им, а по многим параметрам и превосходят.

На достигнутом «Авиаагрегат» останавливаться не стал. Завершив работы над электроусилителем руля, на заводе приступили к разработке двух новых изделий: рулевого механизма с электроусилителем и стартерно-генераторного устройства. Последняя позиция – это вообще новое слово в автомобилестроении. Кроме дагестанского предприятия вопросами создания стартерно-генераторного устройства в мире озаботилась только одна фирма – «Тойота», да и то не для своих серийных моделей, а для «Лексуса».

Как следует из названия, в этом изделии совмещены сразу два важнейших автомобильных узла. При этом генератор становится мощнее в 8-9 раз, достигая мощности в 4,5 квт. Это значит, что он легко «потянет» все электрооборудование автомобиля (холодильник, кондиционер, тот же электроусилитель) и при этом сэкономит до двух литров бензина на каждые сто километров при езде в городском режиме (при постоянном росте цен на бензин это крайне существенно). В настоящее время изучаются возможности установки этого устройства на

новую перспективную модель ВАЗа, так называемую «платформу С».

Несмотря на достигнутые успехи «Авиаагрегат» расслабляться не стал – дело-то приходится иметь с очень нестабильным партнером. Платежи тольяттинцы осуществляют, как правило, с очень большой задержкой, а во время кризиса 2008-2009 годов они вообще стали расплачиваться с поставщиками комплектующих не деньгами, а векселями. При этом заводы, отгрузившие свою продукцию в Тольятти, теряли до 20 процентов заработанных денег. «Авиаагрегат» на этом потерял почти 40 миллионов рублей.

КИТАЙСКИЙ ЗИГЗАГ

В поисках стабильности «Авиаагрегат», не отказываясь от сотрудничества с российским автопромом, занялся поисками новых альтернативных путей развития. Внимательно отслеживая тенденции развития мирового и российского автомобильных рынков, на заводе пришли к двум выводам: в России сегодня явно не хватает дешевых мини-грузовиков (грузоподъемностью до 1 тонны), а самым динамично развивающимся автопроизводителем в мире является Китай. Вывод напрашивался однозначный: необходимо наладить сотрудничество с китайским автопромом с тем, чтобы организовать в Махачкале массовый выпуск бюджетных мини-грузовиков. Так родился новый амбициозный проект, над реализацией которого коллектив «Авиаагрегата» работает уже не один год. Наш журнал уже рассказывал своим читателям о нем, но, поскольку с момента последней публикации прошло достаточно много времени, напомним, о чем идет речь.

Конечная цель – выпуск китайских грузовиков в Махачкале (при этом планируется 70% комплектующих изделий производить на «Авиаагрегате» и других заводах республики). В идеале планируется модернизация выпускаемой продукции, в частности, на китайских грузовиках предполагают установить собственное стартерно-генераторное устройство, которое, по оценкам специалистов, не уступает мировым аналогам. Конструкторы и инженеры уже начали работать над адаптацией этого изделия к китайским автомобилям. Если задуманное воплотится в жизнь, «Авиаагрегат» окажется единственным российским заводом, использующим собственные разработки в процессе сборки импортной техники. В итоге может получиться абсолютно уникальный автомобиль, расходующий всего 6 литров бензина на сто километров пробега. При этом он сможет с пустым баком проехать около 10 километров до ближайшей заправки – именно такой «страховой пробег» гарантирует любому автомобилю стартерно-генераторное устройство «Авиаагрегата».

Мини-грузовик корпорации «Донг Фенг»

Но и без этого реализация данного проекта, по оценкам специалистов, серьезно отразится на экономической жизни Дагестана, значительно увеличив долю машиностроительной промышленности в республиканском ВРП. По самым пессимистичным прогнозам, выход на сборку 20-30 тысяч автомобилей в год даст Дагестану прирост объемов производства в размерах 4-5 миллиардов рублей. При этом будет создано около 1000 новых рабочих мест, а налоговые платежи превысят 1 миллиард рублей в год.

Естественно, для организации такого серьезного производства необходимы солидные вклады: необходимо закупить штамповочно-прессовое оборудование, испытательные стенды, сборочные узлы, покрасочные

камеры и многое другое. Китайские партнеры готовы выделить необходимые для этого средства, единственное условие – гарантия правительства РФ или одного из уполномоченных банков.

Увы, это на деле оказалось для завода неразрешимой проблемой. Сначала много лет предприятие не могло добиться положительного заключения по проекту Минпромторга России. Вопрос этот решился только после того, как Рамазан Абдулатипов встретился с министром Денисом Мантуровым – буквально через неделю после этой встречи положительное заключение было выдано.

Затем наступила очередь банковской экспертизы – в течение нескольких месяцев дагестанский проект проходил экспертизу во «Внешэкономбанке». И хотя проект прошел все пять этапов экспертизы, гарантии по кредиту «Авиаагрегат» так и не получил. Помешали «объективные» обстоятельства – сочинская Олимпиада с ее многомиллиардными тратами, а также последовавший за ней украинский кризис, сопровождающийся серьезными экономическими санкциями в отношении России.

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Казалось бы, что на проекте можно поставить крест, но тут на помощь предприятию снова пришел Рамазан Абдулатипов, распорядившийся о предоставлении заводу гарантий республики на 500 млн рублей. Соответствующее решение правительства РД уже принято, сейчас завершается экспертиза этого решения в дагестанском Минфине. Сразу после этого начнется процедура оформления кредита в Россельхозбанке, и на заводе приступят к монтажу трех новых линий: сборки, сварки и покраски. При удачном раскладе уже к концу этого года с конвейера предприятия сойдут первые совместные грузовики.

На этом фоне сразу же активизировались и китайские инвесторы, которые взяли на себя обязательства о выделении денежных средств в размере 20 млн рублей для создания сети дилерских и сервисных центров по всей России. Семь из них (четвертая часть) будут созданы на базе завода «Авиаагрегат». Как официально сообщили представители дагестанского Минпрома,

Учебно-тренировочный самолет СР 10-5

месяц назад делегация автомобильной корпорации «Донг Фенг» во главе с вице-президентом компании Лью Чандун посетила завод «Авиаагрегат», где состоялось совещание и был подписан соответствующий меморандум.

Китайские партнеры остались довольны увиденным (завод уложился в график изготовления оборудования для сборочных линий) и предложили довести количество выпускаемых моделей до 5 (ранее речь шла о 3 моделях мини-грузовиков). Кроме того, было принято решение о подготовке договора о сотрудничестве сроком на 20 лет.

И еще одна положительная новость. Высока вероятность, что в недалеком будущем у «Авиаагрегата» появятся значительные финансовые средства, которые можно будет вложить в реализацию проекта по выпуску мини-грузовиков. Дело в том, что принято решение запустить на «Авиаагрегате» новое изделие – двухместный учебно-тренировочный самолет СР-10 для подготовки летчиков в учебных заведениях ВВС и гражданской авиации. В конце лета Сергей Шойгу подписал документ, согласно которому производство нового самолета будет организовано на этом предприятии. При этом «Авиаагрегат» будет выступать основным производителем нового изделия, а не выпускать отдельные детали самолета, как ранее сообщили отдельные СМИ. Уже в 2015 году планируется выпустить два первых самолета, а к концу 2016-го – 28. Учитывая то, что стоимость одного самолета примерно 70 млн рублей, можно предположить, что этот заказ позволит предприятию как минимум удвоить объемы собственного производства. А заодно ускорить реализацию проекта организации производства мини-грузовиков.

Махач Мусаев

Ребекка Гульд об имаме Шамиле

Имам Шамиль – личность легендарная, интерес к которой обеспечивается силой деяний и глубиной следа, оставленного им в народной памяти и истории Кавказа. Прошло более полутора веков, как имам сошел с большой исторической сцены, но труды, посвященные жизни и деятельности нашего знаменитого соотечественника, научные и литературные, продолжают писать, в том числе и на Западе.

Два года назад в США, в издательстве Индианского университета вышла книга «Russia's People of Empire. Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present» (Bloomington: Indiana University Press, 2012). В ней собраны биографии писателей, ученых, военачальников и представителей иных сфер деятельности, среди которых Ломоносов, Багратион, Гоголь, Сталин, и менее известные, но не менее примечательные личности, начиная от Ермака, жившего в XVI в., вплоть до наших современников, в числе которых Борис Акунин и Владислав Сурков. Страна, в которой они жили и живут, влияла и влияет на их судьбу, они, в свою очередь, формировали и продолжают формировать историю страны. Большинство героев книги представляют национальные меньшинства, что подчеркивает великое разнообразие России, формирование ее как многонационального государства. В числе историй людских судеб представлено и жизнеописание имама Шамиля, автором которого является американка Ребекка Гульд.

Ребекка начинает свое повествование со стихотворения «Гуниб», написанного известным грузинским поэтом Тицианом Табидзе (1895–1937). Тициан дружил с С. Есениным, В. Маяковским, его переводили Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, А. Ахматова. Благодаря их переводам он стал известен русскоязычному читателю и занял место в числе выдающихся поэтов-модернистов. В конце 20-х гг. XX в. Т. Табидзе посетил Гуниб и написал одноименное стихотворение. В нем он всецело поддерживает волю Шамиля к свободе, даже сам готов был бы участвовать в его битвах, хоть и «не нажимал фатального курка, и никогда не облачался в доспехи воина». Тициан клеймит позором грузинских генералов, которые участвовали в борьбе с горцами на стороне Российской империи, обвиняет их в предательстве Грузии, обращается к потомкам с напоминанием, что «у памяти нет милосердия»[1].

Стихотворение, приведенное Ребеккой, как кажется, подчеркивает масштаб личности Шамиля и его деяний, которого даже наследники тех, против кого он воевал, признают носителем высших ценностей свободы и справедливости. Тех ценностей, которые видел приоритетными для своей родины грузинский патриот Тициан Табидзе.

Возможно, только то, что критика была обращена против классово чуждых генералов, спасла поэта от репрессивной машины империи, а может, именно это стихотворение, в числе прочего, способствовало тому, что Т. Табидзе был расстрелян в 1937 г., считает Ребекка Гульд.

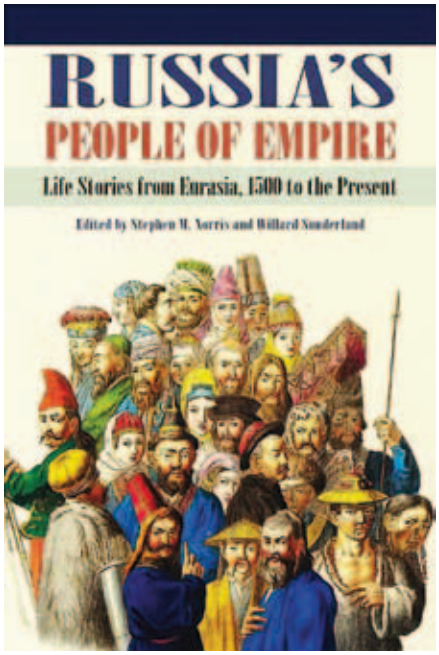
Далее автор пишет:

«Имам Шамиль, руководивший народами Чечни и Дагестана в их двадцатипятилетнем сопротивлении русскому завоеванию (1834–1859), никогда не терял своего значительного места в историографии российского колониализма. Он родился в 1797 г. в аварской семье в

[1] Ребекка пишет, что произведение Т. Табидзе не было переведено на русский язык. Это не совсем так. Стихотворение «Гуниб» было переведено на русский Павлом Антокольским (1896-1978), но он, пользуясь подстрочником с грузинского, кажется, не совсем разобрался в смысловых посылах Тициана Табидзе. Перевод довольно далек от содержания и духа стихотворения грузинского поэта. В оправдание следует отметить, что перевод П. Антокольского известен лишь узкому кругу исследователей и почитателей поэзии.

горном дагестанском селении Гимры. Первым именем Шамиля было Али. Из-за болезненности в детском возрасте, Али был переименован в Шамуэль, что означает «отталкивающий болезнь». Шамуэль превратилось в Шамиль, имя, под которым он известен сегодня как в арабских, так и в европейских источниках.

С самого рождения Шамиль был слабым ребенком, но после смены имени он вырос сильным и мужественным, выделялся красноречием и образованностью. К двадцати годам Шамиль овладел всеми традиционными дисциплинами, преподававшимися в медресе Северного Кавказа: арабской грамматикой и риторикой, хадисоведением, мусульманским правом (фикх) и теологией (калам). Его образованность пригодилась в последующем, когда возникла необходимость в создании на Кавказе государства, основывающегося на исламских принципах.



Шамиль получил начальный опыт в партизанских военных действиях[1], сражаясь под предводительством Гази-Мухаммада, первого духовного лидера дагестанских мусульманских сил. Гази-Мухаммад был главой того же суфийского братства, которое подняло Дагестан против Каджаров в 1813 г.[2], и которые, используя суфийский термин со значением «ученик», называли себя мюридами. Лидеры этого братства были вдохновлены накшбандийскими суфиями, которые прибыли в Дагестане через Ширван в 1810-х гг. (история суфизма на Кавказе начинается в одиннадцатом веке, но широкое распространение влияния новой суфийской волны было частично обусловлено колониальными вторжениями). Гази-Мухаммад был убит русскими в 1832 г., после чего руководство братством мюридов перешло к Хамзат-беку, который был убит два года спустя собственными последователями[3]. Это открыло путь для имама Шамиля, который был избран в 1834 г. оставшимися членами братства мюридов и аварскими улемами (старейшинами), чтобы вести объединенные Дагестан и Чечню против царской армии и одновременно служить главой регионального исламского государства.

Так имам Шамиль стал третьим имамом Кавказа, сменив Гази-Мухаммада и Хамзата. Мухаммад ибн аль-Карахи (ум. 1882 г.)[4], секретарь и биограф Шамиля, описал восхождение имама к власти в хвалебных терминах, которые подчеркивают глобальные перспективы этого мюридского движения. Аль-Карахи написал, как «познавший ученый Шамиль» был «прославляем на Востоке и на Западе за его джихад, так что жители Мекки и Медины, ученые Балха и Бухары, и благочестивые люди со всего мира… молились за его победы, успех и процветание».

Шамиль был гораздо больше, чем просто полководец, он был также строителем нового государства. В дополнение к адаптации шариата к местной специфике, Шамиль сформулировал ряд постановлений для ситуаций, не регулируемых шариатом. Образцом служил «Канун», свод правовых норм, распространенный в Османской империи того времени. Имам произвел кодификацию и назвал свод «Низам». Наконец, Шамиль определял внешнюю политику,

[1] На Западе часто для обозначения освободительной борьбы горцев в период Кавказской войны используют термин «партизанская война» (guerrillawar/warfare), подразумевая прежде всего тактику ведения военных действий, а не сам характер войны.

[2] Каджары – династия, правившая в Иране в 1795–1925 гг. В рассматриваемый период имели место очередные войны – русско-турецкая (1806–1812) и русско-персидская (1804–1813). Существует теория, что распространение Накшбандии на Кавказе связано с целенаправленной деятельностью Высокой Порты по консолидации усилий мусульман-суннитов в борьбе с персами-шиитами и русскими-иноверцами, что было на руку Стамбулу.

[3] Вряд ли можно сказать, что Осман и его соратники – убийцы имама Хамзат-бека, были его последователями.

[4] Допущена ошибка в написании имени и дате смерти. Правильно: Мухаммад-Тахир аль-Карахи (ум. 1880 г.).

построенного им государства. В официальной корреспонденции, в отношении себя он применял термин «амир аль-муминин» («повелитель правоверных»), наряду с ним – «кази» (судья в исламском праве). Первый титул является одновременно очень спорным и показательным. Амир аль-муминин, как правило, использовался в отношении халифов, которые правили из Багдада вплоть до 1258 г. В последующие века титул перешел к османским султанам, но в колониальный период некоторые исламские правители настолько осмелели, что называли себя «амир аль-муминин».

То, что Шамиль присвоил этот титул себе, отражает его грозные политические амбиции. Но когда дело дошло до взаимоотношений с российскими властями, даже при осуществлении своих правительственных полномочий Шамиль использует самоуничижительные термины, как «раб Божий», вместо «имам» и «амир аль-муминин». Даже когда он непосредственно не обращался к османским правителям, Шамиль проявлял уважение к Османскому суверенитету, и, кажется, большее, чем в отношении царя. Однажды он сказал Илье Орбелиани, плененному грузинскому офицеру: «Есть только один Бог на небесах и один падишах на земле, турецкий султан». Используя титул «амир ал-муминин», Шамиль сумел сохранить для себя, по крайней мере, некоторые аспекты суверенитета.

Не представляется возможным в рамках данной статьи описать все легенды, зафиксированные о великом имаме. Большинство источников по истории Шамиля и его государства написаны на арабском языке и включают в себя как современные хроники, так и письма и указы самого Шамиля. Самым важным из таких источников является официальная биография, написанная его шурином, аль-Карахи[1]. Помимо того, что это рассказ о жизни Шамиля, текст представляет собой подробный отчет о событиях Кавказской войны.

Вторая группа источников – это в основном мемуары офицеров царской армии и путешественников по Кавказу, а также воспоминания русских, познакомившихся с Шамилем в изгнании. Например, Мария Николаевна Чичагова, жена царского чиновника, которому было поручено следить за Шамилем в плену. Она написала «Шамиль на Кавказе и в России». Наиболее заметные офицерские мемуары «Записки о Шамиле» А. Руновского и «Двадцать пять лет на Кавказе» А. Зиссермана. Третья группа источников включает многочисленные европейские работы об имаме Шамиле, например,ныне позабытого Фридриха Вагнера, а также Джона Баддели. С разной степенью достоверности эти работы демонстрируют Шамиля попеременно то фанатиком и тираном, то просвещенным искателем справедливости и реформатором-идеалистом. Как указано во введении Чарльза Кинга к этой книге, европейское увлечение Шамилем проникло даже в американскую общественную жизнь девятнадцатого века.

Арабские источники обычно преподносят Шамиля набожным и хорошо образованным последователем суфийского братства накшбандия, и реформатором, борющимся с неисламскими обычаями (адат), которые господствовали в среде горцев Дагестана и Чечни в середине

[1] Шурином имама Шамиля являлся другой автор сочинений по истории Имамата – Абдуррахман ал-Газигумуки.

девятнадцатого века. Ученость Шамиля в области религии была настолько заметной, что, как мы видели выше, аль-Карахи подчеркнул превосходство Шамиля в этой области, но не сказал ничего об интеллектуальных достижениях предыдущих имамов, Хамзата и Гази-Мухаммада[1]. Ученость стала фундаментом, на котором Шамиль строил критику оппонентов – как неверных русских, так и невежественных из мусульман, не в полной степени исламизированных и чрезмерно пассивных в религиозном отношении горцев Дагестана и, особенно, Чечни.

Конфликт между исламским и обычным правом (шариат и адат) в практике политической деятельности Шамиля проявляется с особой очевидностью в истории о наказании собственной матери, Баху-Меседу. К 1843 г. Кавказская война уже стала слишком жестокой для большинства миролюбивых жителей Кавказа, чтобы стойко переносить все тяготы и лишения. Горцы хотели положить конец кровопролитию и уничтожению своих соседей. Как и большинство чеченцев и дагестанцев, особенно тех, кто проживал на равнине, Баху-Меседу пожелала положить конец войне. Она встретилась с сыном и сообщила ему о своих желаниях. Шамиль пошел в мечеть, чтобы помолиться.

Три дня спустя Шамиль вышел из мечети и объявил, что Аллах дал следующее указание – сто ударов плетью каждому, кто посоветует имаму сдаться русским. Согласно этому решению, самой достойной данной экзекуции была, как сам Шамиль знал, его мать Баху-Меседу. Мать предстала перед ним и собравшейся толпой, ее конечности были связаны для предотвращения побега. Шамиль поднял плеть и нанес пять ударов, после чего мать потеряла сознание. Хотя санкцией, исходящей от Бога, было предусмотрено сто ударов, Шамиль не смог наблюдать за страданиями матери. Он лег на землю и поручил своим помощникам хлестать его вместо нее. Помощники колебались, но Шамиль не позволил бы отменить священное указание. Он пригрозил, что любой, кто откажется хлестать его, будет наказан. По собственному приказу Шамиль перенес оставшиеся девяносто пять ударов плетью. Когда наказание было полностью выполнено, окровавленный имам встал на ноги и тут же поручил своим помощникам сообщить всем о случившемся. Это наказание было продемонстрировано, чтобы убедить горцев, измученных войной, что борьба должна продолжаться до конца[2].

В молодости Шамиль учился у Мухаммада аль-Яраги (также известного, как Мулла Магомет), самого влиятельного суфийского лидера в Дагестане. В отличие от политической доктрины Шамиля и его ученых, разработанной для отстаивания своего государства, учение аль-Яраги не предусматривало призыв к священной войне в защиту ислама – джихаду, или газавату, как он обозначается в дагестанском контексте. Политизация суфизма, которую мы наблюдаем при Шамиле, возможно, была в большей степени ответом на острую политическую необходимость, нежели выражением его религиозных пристрастий.

Многие суфийские движения на Северном Кавказе, такие как Кадирия во главе с Кунта-хаджи, были решительно ненасильственны и миролюбивы, на грани полной самоизоляции от политических событий. Северокавказский суфизм часто делят на две основные группы: тех, которые, как имам Шамиль, активно сопротивлялись российскому вторжению, и тех, которые выбрали капитуляцию в интересах мира. Эта дифференциация стала еще более парадоксальной, когда имам Шамиль стал живым примером политического примирения, после того как капитулировал, тогда как репрессии 1864 г. миролюбивых последователей кадирийца Кунта-хаджи способствовали популяризации более воинственной Накшбандии.

Не трудно понять, почему Шамиль привлекал так много разных людей. Для тех, кто ощущал отвращение к коррупции в среде исламских священнослужителей, Шамиль был в авангарде движения за реформы, которыми он обещал очистить Дагестан и Чечню от религиозных новшеств. Для тех, кому кровопролитная война стала горем, Шамиль предложил луч света в

[1] Хамзат-бек и Гази-Мухаммад, как и все последующие имамы, были высокообразованными людьми. В частности, Гази-Мухаммад является автором нескольких, хоть и не объемных, правовых сочинений.

[2] Легенда о наказании собственной матери обоснованно ставится под сомнение, в правдивости этой истории сомневались и русские современники Шамиля.

виде Кавказского автономного государства и, в конечном счете, перспективу мира. Для российских идеалистов, таких как Л. Толстой и популярный детский писатель Лидия Чарская, Шамиль был символом мужества, подобного которому невозможно было найти среди русских, – хотя оба писателя имели собственное отношение к аварскому воину.

Каждый, кто живет на современном Кавказе, имеет собственную историческую память о человеке, который на протяжении четверти века препятствовал включению Северного Кавказа в состав Российской империи, противостоя самой крупной армии в мире. Интересным поворотом в отношении к наследию Шамиля стали клеветнические обвинения местных горских источников в результате его капитуляции в Гунибе. В частности, в последних чеченских работах, например, в исторической трилогии самого известного современного чеченского писателя Абузара Айдамирова (2005 г.), имам Шамиль изображается как предатель дела северокавказской свободы.

В течение последних чеченских войн местный бард Тимур Муцураев изложил в поэтической форме много легенд. Одна из его самых известных песен, базирующихся на чеченской устной памяти, называется «Имам Шамиль». Из слов этой песни мы узнаем, что Шамиль ответственен за поражение в войне[1]. Шамиль выбрал плен, в то время как его более стойкий чеченский соратник Байсангур был готов воевать с царской армией – вплоть до своих последних дней. Когда Шамиль сдался А. Барятинскому на Гунибе, что Т. Табидзе позже увековечил в своем стихотворении, Байсангур отказался следовать ему. Чтобы не позволить Чечне стать частью России, он ушел в горы с множеством вооруженных чеченцев. Воины-партизаны антиколониальной борьбы, такие как чеченский шейх Мансур, были его предшественниками, а такие, как абрек Зелимхан из Харачоя, – последователями. Это наследство чеченской военной ревности интересно контрастирует с мольбами тех равнинных чеченцев, которые попросили, чтобы Баху-Меседу убедила своего сына заключить мир с русскими. Изображение Л. Толстым Шамиля в «Хаджи-Мурате» (1912 г.) является еще одним примером чечено-аварского раскола в отношении к шамилевскому наследию[2].

Почти все, кто формировал северокавказскую историю, закончили свою борьбу, будучи убитыми или капитулировав. Шамиль был самым счастливым из них: он прожил свои последние дни в приятном изгнании в Калуге, всего-навсего в ста двадцати милях от Москвы, под пристальным взглядом провинциального администратора М. Чичагова и его жены. Обеспокоенный холодным калужским климатом, Шамиль позже переехал в Киев, где он попросил разрешения на выполнение обряда хаджа во второй раз в своей жизни[3].

Во время своего пребывания в Мекке, Шамиль встретился с не менее известным суфийским лидером алжирского антиколониального сопротивления Абд аль-Кадиром аль-Джазаири (1808–1883) – многие ученые считают его алжирским «двойником» Шамиля[4]. Шамиль также совершил поездку в Дамаск, где посетил могилу Ибн аль-Араби, и в Багдад, где посетил могилу Абд аль-Кадира аль-Гилани, крупных фигур в истории классического суфизма. Шамиль умер в Медине в 1871 году и похоронен на кладбище Джаннат аль-Баки – недалеко от могилы Фатимы, дочери пророка Мухаммеда, и четырех из самых ранних шиитских имамов[5].

[1] В чеченском предании говорится о том, что Байсангур находился в августе 1859 г. на горе Гуниб вместе с Шамилем, и, что при выходе имама к А. Барятинскому, Байсангур потребовал от Шамиля продолжить войну. Но Шамиль пошел дальше, а Байсангур не стал стрелять в спину имама. Достоверных свидетельств этому нет. Следует отметить, что письменные источники не отмечают факта присутствия Байсангура на горе Гуниб в это время, хотя в них поименно упоминаются и менее значительные деятели Имамата.

[2] Шамиль в «Хаджи-Мурате» изображен скорее отрицательно, как и Николай I, которые в произведении Л. Толстого воплощают безграничную власть и ее порождение – деспотизм. В этом смысле остается неясным, почему образ Шамиля в повести является «примером чечено-аварского раскола». Возможно, Ребекка полагает, что Хаджи-Мурад был чеченцем, но это не так.

[3] Шамиль в 1869 г. на самом деле отправился в хадж впервые.

[4] Факт их встречи ставится под сомнение.

[5] Подразумеваются потомки Пророка: Хасан, сын Али; Зайнулабидин, сын Хусейна; Мухаммад ал-Бакир, сын Зайнулабидина; Джафар ас-Садик, сын Мухаммада ал-Бакира.

Шамилевский образ в памяти выражается в различной форме и часто основывается на противоречивых культурных и политических приоритетах тех, кто его рисует. Есть много Шамилей: Шамиль дагестанцев, Шамиль чеченцев, Шамиль поэтов и военных летописцев. Есть Шамиль, которого видят с имперских позиций, и другой, порожденный народной памятью. Есть Шамиль, который сурово смотрит со стены клуба в современном Гунибе[1], и Шамиль, чьи подвиги Модест Мусоргский изложил в музыкальной форме в «Марше Шамиля» (1859). Совсем недавно философ Шамиль дебатировал с церковным историком четвертого века Сократом Схоластиком о значении молитвы[2]. Для советских властей, которые опубликовали труд с выразительным названием «Шамиль: ставленник султанской Турции и английских колонизаторов» (1953), Шамиль был контрреволюционный бандит и иностранный шпион. Каждый «новый» Шамиль противоречит тому Шамилю, который был прежде.

В некотором отношении Советы были правы, опасаясь воспалительных последствий деяний Шамиля. Третий имам обращался за помощью к иностранным державам. Он написал королеве Виктории, жалуясь: «каждый год мы вынуждены защищать себя от свежих армий захватчика», и прося королеву прийти к нему на помощь. Он также написал османскому султану Абдулмеджиду (1839–1861) с просьбой о поддержке в войне с царской армией, хвастаясь, что «пушки, порох, и ракеты Конгрива»[3] в настоящее время уже производятся инженерами Имамата. Но самые большие надежды Шамиля были направлены еще южнее – к египетскому паше Мухаммад-Али и его сыну Ибрагиму, который в 1839 г. нанес сокрушительное поражение туркам в битве при Незибе и тем самым продемонстрировал превосходство египетской военной мощи. В письме, распространявшемся по всей территории Имамата, Ибрагим обещал «всем чеченским и дагестанским улемам и старейшинам», что они «вместе завоюют области Дагестана, восстановят власть над Астраханью, Дербентом и Азовом, изгонят неверных с земель Ислама».

Единственный источник этого документа – российский перевод, изданный в девятнадцатом веке. Не факт, что он исходит от сына египетского паши, возможно, он был написан дагестанцами и имеет местное происхождение. Имам Шамиль сделал публичными свои отношения с правящей семьей, которую французский консул в Тбилиси считал наиболее уважаемой горцами Кавказа. «Авторитет Мухаммад-Али, – писал консул, – был несравненно выше, чем авторитет турецкого султана, у которого тот отвоевал целое царство; паша стал самым могущественным мусульманским правителем, победил неверных англичан и французов». Это, конечно же, понимал не только консул, но и осознавал и учитывал такой государственный деятель, как Шамиль.

Образ Шамиля никогда не терял своей привлекательности в советский период. В качестве примеров можно привести поэзиюТициана Табидзе и произведения другого грузинского писателя – Михаила Джавахишвили, который посвятил ему специальную часть в своем самом

[1] В оригинальной статье помещена фотография мозаики с изображением Шамиля на стене Гунибского дома культуры.

[2] Речь идет об изданной в Москве в 2001 г. работе нынешнего главы Дагестана Р.Г. Абдулатипова «Диалог о молитве: Сократ и Шамиль».

[3] Боевая пороховая ракета с оболочкой из листового железа. Сзади в качестве стабилизатора крепился деревянный шест. Известно, что они производились в Имамате и использовались его армией. Именовались они галупуш («гъалупуш» – на аварском яз.).

крупном романе «Арсена из Марабды» (1935), где указывается, что Шамиль был внебрачным сыном грузинского офицера Григола Орбелиани. Пассаж, касавшийся генеалогии Шамиля, был подвергнут цензуре в более поздних советских выпусках романа М. Джавахишвили. В результате грузинские претензии на родство с имамом Шамилем остались неизвестными не только иностранным ученым, но также и многим кавказским исследователям[1].

[1] Претензии на грузинское происхождение Шамиля довольно известны. Еще в XIX в. циркулировали слухи о том, что Шамиль является внебрачным сыном грузинского царевича Александра (1770–1844), претендента на Картли-Кахетинский престол, который, будучи сторонником независимости своей страны с самого конца XVIII в., в том числе в союзе с аварцами, пытался вернуть себе власть. Моше Гаммер по этому поводу пишет: «По одному из русских источников … Шамиль якобы пустил слух, будто является незаконным сыном царя Картли и Кахетии Александра. Эта версия вызывает очень большие сомнения. Скорее всего, он не только не имел отношения к этим слухам, но даже мог и не знать о них. Подобные слухи могли распускать сами грузины, недовольные господством русских».

Версии «грузинского» происхождения Шамиля зиждутся на теории его внебрачного рождения. Различные «дагестанские» версии происхождения Шамиля имеют в основе письменные источники и своим отличием от «грузинских» демонстрируют региональные ментально-культурные различия. В дагестанских версиях речь никак не идет о «внебрачности», они направлены на установление определенной общинной принадлежности дальних предков лидера национально-освободительной борьбы. На настоящий момент имеются версии о кумухском, гидатлинском, гаквари-гигатлинском, эрпелинско-казанищенском и даже башкирском происхождении дальних предков Шамиля. Некоторые из них подкреплены разновременными письменными сообщениями. Пока можно отметить тот факт, что источники четко указывают, что отец Шамиля Денгав-Мухаммад и мать Баху-Меседу были соответственно из Гимры и Ашильта – селений аварского союза общин Хиндалал.

Больше чем дела, о Шамиле свидетельствует наиболее прочное его наследие – жизнь его образа в памяти народов Кавказа и России. Наследие Шамиля сегодня очевидно. Оно выражено в названии центральной улицы столицы Дагестана – Махачкалы; в книжных магазинах города, заполненных воспоминаниями, романами и стихами об имаме; в названиях дагестанских филантропических проектов и издательств; в практике наречения именем Шамиль кавказских мальчиков в мусульманских семьях.

Далее, для того чтобы проиллюстрировать противоречивость отношения разных наших современников к Шамилю, трансформации в отношении к нему в ограниченный промежуток времени, Ребекка описывает историю, которая произошла с ней и женщиной лезгино-русского происхождения, проживающей на аварской земле в Азербайджанской Республике. История очень интересна и показательна, но мы не будем приводить ее полностью. Отметим только, что речь идет о бюсте Шамиля, установленном в центральном парке в г. Закатала в начале 90-х гг. XX в., на открытие которого приезжал Джохар Дудаев. Утверждается, что впоследствии изваяние Шамиля было заменено на памятник Гейдару Алиеву, а бюст имаму перемещен в другое, менее значимое место – на окраину города; приводится реакция одного местного водителя-аварца, который в сердцах плюнул и выругался, вспоминая, что памятник перенесли.

На самом деле, на открытии памятника Шамилю 21 июня 1991 г. присутствовал первый президент Чеченской Республики. Но его никуда не переносили – он стоит там, где стоял, – на окраине г. Закатала, на границе со знаменитым дагестанским селением Джар. 18 августа 2001 г. памятник был взорван. По официальной версии, акт вандализма был осуществлен

экстремистами, которые считают недопустимым изваяние человека. Вскоре памятник был восстановлен.

В тексте Ребекки есть еще несколько неточностей, присутствуют спорные интерпретации, к примеру, о том, что имам Хамзат-бек был убит собственными последователями, и др., на которые мы обратили внимание комментариями. Также мы не можем согласиться с тем, что пребывание Шамиля в Калуге было «приятным». Да, его участь была лучше, чем у его разновременных единомышленников – лидеров кавказского сопротивления, он был почетным пленником, но он не был свободен, и он был обманут – ведь ему обещали скорую поездку на Святую землю, а не 10 лет на калужских болотах.

Но эти детали не портят общего впечатления о работе, тем более что часто неточности находят оправдание. Например, дата смерти историографа движения горцев за независимость аль-Карахи во многих источниках и исследованиях указана неверно, в том числе и на позднем варианте его надгробной стелы.

Статья Ребекки интересна еще и тем, что позволяет взглянуть на имама Шамиля со стороны, опосредованным взглядом, выявить проблемы, которые в его жизнеописании видятся важными, достойными упоминания в рамках исследования со строго ограниченным объемом. Отметим, как удачно Ребекка конкретными примерами обратила внимание на узловые вопросы аспектов деятельности Шамиля, вывела на первый план отношение к Шамилю в исторической и географической перспективе. Память о Шамиле, факторы, которые на нее влияют, и как влияет память о нем на общество и государство – вопросы, которые оставались незамеченными в историографии.

Есть еще одна интересная тема, которая затронута Ребеккой, это чечено-дагестанский раскол в отношении к наследию Шамиля. Не все примеры, избранные для демонстрации, удачны и в полной мере способны охарактеризовать их. Но наличие раскола в прошлом настоящем подмечено. Он может быть показан и историческими примерами.

Алибек-хаджи, лидер чеченского восстания 1877 г., на допросе заявил русским офицерам, что они начали восстание, поскольку не было сомнений, что оно вскоре вспыхнет, и были опасения, что вновь «командовать чеченцами прибудут дагестанцы». Также следует отметить, что Шамиль и его наследие, наряду с другими историческими темами (налоги с чеченских поселений в пользу хунзахского хана, владение Турловых), как видится, не совсем вписываются в современную доктрину чеченского нациестроительства, важными элементами которой являются идеи исключительности и исконной независимости. Имеются и другие образцы, может быть, более показательные в демонстрации дагестано-чеченских взаимоотношений, как, например, героические образы чеченцев – сподвижников Шамиля, сохраняющихся в аварском фольклоре, и тот факт, как бережно чеченцы относятся к могиле знаменитого наиба Шамиля – аварца Ахбердилава. Эти и многие аналогичные примеры прошли испытание временем.

Текст Ребекки завершается блестящим заключением, где имеются и такие слова: «Шамиля вспоминают даже тогда, когда хотят, чтобы он был позабыт. Его вспоминают и тогда, когда большинство беспокоящих аспектов его наследия политически ориентированная историография пытается отправить в забвение». Наследие Шамиля испытывалось временем. Был период, когда образ имама формировался на государственном уровне. Он был «хорошим», начиная с революционного периода до 1934 г.; «ухудшился» в 1934–1941 гг.; «улучшился» в 1941–1947 гг.; стал «совсем плохим» в 1950–1956 гг.; и вновь стал потихоньку «улучшаться» с 1956 г. Параллельно с искусственно формируемым официальным существовал народный образ Шамиля. Всесоюзная научная конференция «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.» (20-22 июня 1989 г.) стала символом «национального возрождения» и начала нового времени в Дагестане.

Новые времена – новые вызовы. Сегодня, как пишет Ребекка, «личность Шамиля находится в процессе того, чтобы быть подмененной мифологизированной фигурой военного героя». Мифологический персонаж безлик, личность, творившая историю, несет за собой историческую память – тем более такая великая, как имам Шамиль. «Нет фигуры более значимой в акте памяти народов Кавказа, чем имам Шамиль», – пишет Ребекка Гульд.

Воспоминания о Кавказе
Картина М.Ю. Лермонтова
Масло. 1838 г.

«Люблю я цепи синих гор...»

Алибек Омаров

Среди бесчисленных изданий М.Ю. Лермонтова такого еще не было, оно могло появиться только в Дагестане. Оригинально задуманный сборник «Люблю я цепи синих гор...», изданный Дагестанским книжным издательством к 200-летию вечно молодого и великого поэта, – дань уважения и любви дагестанцев к великому русскому поэту. Стихи и поэмы Лермонтова о Кавказе в нем представлены как на русском, так и на языках народов республики. В сборник вошли также произведения о самом поэте. Мы беседуем с автором идеи и составителем сборника, поэтом Арбеном Кардашем.

– Известно высказывание Даниила Андреева: «Миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры». Если попробовать разделить громадину этой самой «загадки» на некие составляющие, я бы обратил внимание на удивительную слитность, как бы соотнесенность частей целого, России и Кавказа в его творчестве. Мы этого просто не замечаем, воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. Вот почему Лермонтов для кавказцев также является своим поэтом...

– Как-то прочел в газете рассуждения русского автора: чеченцы называют Лермонтова своим поэтом, другие кавказцы – своим, а мы, русские, мол, молчим. Русские, допустим, молчат потому, что Лермонтова у них, ну, никак не отнимешь. И может ли быть у искусства прекраснее цели, чем объединение народов? И разве народ может не гордиться таким поэтом?

– Лермонтов – глубоко национальный русский поэт, что особенно явственно проявляется в его зрелых произведениях, при всей органичности для него «присутствия» Кавказа. Тут тянет поразмыслить над тем, что род Лермонтовых берет начало в Шотландии, имеет отношение к легендам о Томасе Лермонте, авторе древнейшего варианта «Тристана и Изольды» ...

– В восприятии мира человеком предки для него что-то да значат. Работая над своим эссе «Лермонтов на лезгинской линии», я думал вот о чем...

– Эссе, тоже вошедшее в сборник, а раньше напечатанное в «Литературной России» и удостоившееся, кажется, ее премии?

– Да, премии оригинальной – поездка в Болгарию, за что спасибо «Литературной России» ... Эльбрус Лермонтов называет Шат-горой. «Седовласый», «старый» Шат. Это не ново. Еще во второй половине предыдущего века из России была отправлена известная экспедиция академика Гмелина для «обследования прикаспийских областей». Академик, судьба которого на Кавказе, увы, оказалась горестной, и о Шах-даге писал как о Шат-горе. В свою первую ссылку Лермонтову

пришлось побывать в окрестностях Шахдага, и я представляю себе его восхищающимся «Царской горой» со сверкающей белой главой. Так вот, мне чудится, что для Лермонтова слово «Шат» было созвучно «Шотландии», откуда происходили его древние корни. В Кавказе он видел как бы родину своих предков.

А что касается самого слова «Шат», то это имя одного из хазарских предводителей.

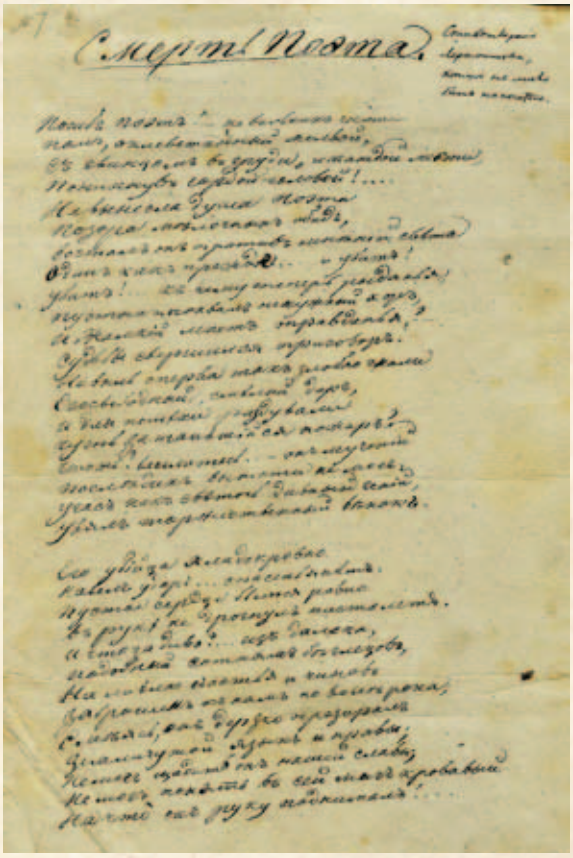
– Лермонтов с детства пребывает с каждым из нас. Хотя бы с этим, таким ранним в памяти, ничем впоследствии не затененным: «Белеет парус одинокий...» Судя по тому, с какой осязаемой тщательностью и любовью проделана работа над сборником, твое отношение к Лермонтову тоже заключает в себе что-то свое особенное.

– Ну да, все начинается в детстве, и в данном случае тоже. Мой учитель, талантливейший лезгинский лирик Шихнесир Кафланов перевел поэму Лермонтова «Беглец» на родной язык. В нашем горном селе Микрах, название которого мои земляки в поэтическом раже склонны переводить как «Гнездо солнца», был сад с могучей старой дикой грушей, принадлежавший отцу моего одноклассника и друга – продавцу нашего сельмага. У него Шихнесир-муаллим после своих уроков покупал себе водку и приходил в этот сад. В свои собеседники он брал меня с другом. Конечно, всё это сохранялось в тайне. Потом учитель употреблял эту водку, а мы – нет, так как были еще подростками. Мы прогуливались по саду, и учитель-поэт Шихнесир читал нам свой перевод «Беглеца». Я думаю, что его покоряла сама музыка лермонтовского стиха, и он старался передать ее на лезгинском языке… А что насчет водки, я считаю, это был случай особого, действенного воспитания: нам оказывалось серьезное доверие, и мы должны были понимать, что достаточно взрослые, чтобы оправдать его. Вот же, картина не стерлась, осталась в памяти и поблескивает звездочкой… К сожалению, из переводов Шихнесира Кафланова ничего не включалось в его книги. А перевод «Беглеца» теперь увидел свет в упоминаемом нами сборнике. Превосходнейший перевод.

Вспоминаю и такое. Я был еще пионером, а в школе был пионервожатый, который писал стихи. Их он перепечатывал на машинке, стоящей в кабинете директора школы. Из старой и потрепанной, какой она и должна была быть, книжки Лермонтова издания «Детской литературы» я перевел ряд стихов на родной язык и решил послать их в газету или журнал. Но слышал, что стихи, написанные от руки, в редакциях даже не рассматривают – их надо посылать отпечатанными. Я стал упрашивать пионервожатого, чтобы меня допустили к машинке, но он заявил, что я еще не дорос до этого. И как-то после уроков я потопал за семь километров «в район», в село Усухчай. Муж моей тети, доктор Идрис, был главврачом райбольницы. Я знал, что у него в кабинете тоже стоит печатная машинка. В отличие от пионервожатого он меня понял и предоставил машинку в полное мое распоряжение. Печатал я одним пальцем, допуская ошибки. Возле меня задержалась врач – тетя Марал из соседнего села, взяла и прочитала стихи, похвалила, удивлялась, что они как будто были написаны на лезгинском. Помню среди них стихотворение

«Кавказ» с повторяющейся строкой «Люблю я Кавказ» – сам-то я был моложе Лермонтова, когда он написал это.

Первые свои переводческие опыты я куда-то посылал, но они нигде не появились. Копии, наверное, до сих пор лежат у меня в старых бумагах… Мне казалось, что Лермонтов тоже из Дагестана, вырос в наших горах. Думаешь о его восприятии гор, сыновнем отношении к ним, куда уж как точных описаниях быта и нравов горцев, истинности созданных им характеров. Многое, что мы перестали осознавать сами в себе или просто растеряли, сохранилось в его стихах, особенно в кавказских поэмах, где в не тускнеющих картинах отображены уклад жизни горцев, их быт и обычаи. Я даже склонен считать, что историку Кавказа, чтобы по-настоящему представить себе нашу старину, нельзя обойтись без Лермонтова.


Смерть Поэта

– Что мог бы ты рассказать о связях Лермонтова с Дагестаном – может быть, из малоизвестного?

– С Дагестаном связано немало страниц жизни и творчества Лермонтова. Чего стоит хотя бы то, что здесь появились на свет такие его стихотворения, как «Сон», «Выхожу один я на дорогу…» и ряд других шедевров! Об этом и о многом другом поведано в захватывающе интересной книге замечательного дагестанского краеведа Булача Гаджиева «Лермонтов в Дагестане». В книге много такого, что принято всеми, но есть и недостоверное, что призывает к продолжению увлекательной исследовательской работы.

Поэта Лермонтова на Кавказе и в Дагестане знали еще в XIX веке. Так, прапорщик Кази Атажукин, наряду с произведениями других авторов, перевел на кабардинский язык и произведения Лермонтова и издал их в 1864 году. Лермонтова и Пушкина знал дагестанский мыслитель и поэт, общественный деятель Мирза-Али Ахтынский. Его жизненный путь завершился в 1859 году, в год пленения имама Шамиля, неумолимым противником которого он был и у кого в плену побывал, «виновный» в своей пророссийской ориентации. Из недавно изданных и теперь хорошо известных воспоминаний Нины Рот – «девы гор», дочери коменданта Ахтынской крепости, в 1848 году в ожесточенной борьбе выдержавшей натиск горцев, – узнаем, что Мирза-Али был знаком с творениями Пушкина и Лермонтова, в разговоре высказывал сожаление по поводу их ранней гибели.

– Перейдем же к юбилейному сборнику.

– Он состоит из трех разделов. В первом представлены все кавказские стихотворения и поэмы Лермонтова, кроме поэм «Измаил-бей» и «Демон» – их невозможно было поместить из-за ограниченности выделенного объема. Второй раздел – «Лермонтов на языках страны гор». Дагестанские поэты разных поколений обращались к творчеству Лермонтова постоянно, а не только в связи с юбилеями. В прошлом веке его книги вышли на всех письменных языках Дагестана, в том числе и малочисленных народов: табасаранцев, татов, ногайцев. Я нашел

сборник Лермонтова на табасаранском языке, изданный в 1941 году, – маленького формата, на пожелтевшей низкокачественной газетной бумаге. Ясно, какие чувства он вызывает, когда перелистываешь страницы. Зная к тому же, что переводчик Багаутдин Митаров впоследствии сам погиб на фронте в 1943 году. Этот классик табасаранской литературы похоронен в братской могиле на Украине, где сейчас идет война… по этим братским могилам… Есть старая книга переводов из Лермонтова на татском языке, выполненных классиком татской литературы Даниилом Атниловым. Интересно, что в молодости он называл себя Даниилом Дербентским, по названию родного города.

На аварском языке произведения Лермонтова выходили отдельными книгами в переводах Загида Гаджиева и Омар-Гаджи Шахтаманова («Кавказские поэмы»). Переводил великого поэта и Расул Гамзатов. Не могла не привлечь внимание книга переводов, выполненных двумя крупнейшими лезгинскими мастерами слова, – Алирзой Саидовым и Ибрагимом Гусейновым. Это было уже позже, в 80-е годы, но переводы просто великолепны. Можно сказать, что Лермонтова переводили все крупные поэты Дагестана: даргинцы Сулейман Рабаданов и Гамид Гамидов, кумыки Аткай и Анвар Аджиев, лакцы Юсуп Хаппалаев и Магомед-Загид Аминов, ногаец Анварбек Култаев и другие.

В нашем издании, кроме переводов, ставших неотъемлемой частью многонациональной дагестанской литературы, представлены и новые, осуществленные современными авторами. Так, в сборник вошли переводы на лезгинский язык, выполненные Фейзудином Нагиевым, Зульфикаром Кафлановым – сыном Шихнесира Кафланова и Азизом Мирзабековым. Порой даны переводы одного стихотворения разными авторами, например, того же «Паруса» и «Сна» («В полдневный жар в долине Дагестана….»), что дает вдумчивому читателю возможность сравнения, обогащая его восприятие стихотворения. Нельзя не отметить и такой – чем не исторический! – факт: на трех младописьменных языках, обретших свою письменность лет двадцать назад, Лермонтов «заговорил» впервые. На агульский язык его стихи перевел хорошо известный в Дагестане поэт Камалдин Ахмедов, на рутульский и цахурский языки – Шафи Ибрагимов, автор нескольких книг, и Валех Гамзат, недавно принятый в Союз писателей России.

В третий раздел сборника – «Дагестанский венок – поэту» – вошли посвящения самому Лермонтову. И, разумеется, это в первую очередь стихи. Ему посвятил стихи Расул Гамзатов. У Омар-Гаджи Шахтаманова есть поэма «Лермонтов». Посвящения Лермонтову имеются у многих дагестанских авторов. И не только стихи. В сборник вошли каждое по-своему интересные эссе аксакала дагестанской литературы писателя Магомед-Расула «Слово о кинжале поэта» и поэта Магомеда Ахмедова «Размышления с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым». Этот раздел книги о том, как в Дагестане почитают Михаила Лермонтова, о нашем осознании его уроков любви к отчизне – Великой России. На лермонтовскую любовь к «суровому и нежному краю гор» кавказцы отвечают такой же преданной любовью и благодарностью. Книга «Люблю я цепи синих гор… » – еще одно свидетельство тому.

Магомед-Расул

Художественное слово Вацлава Михальского

Меня берет звериная тоска по другу моих достопамятных махачкалинских юношеских лет Вацлаву Вацлавовичу Михальскому, давно обосновавшемуся в нашей первопрестольной. Каюсь в том, что так долго (около сорока лет!) мы не встречались, – виноват не мой закадычный друг, а я со своим с годами молодеющим дурацким аскетизмом. А ведь последние тридцать с лишним лет чуть ли не каждый год свой профсоюзный отпуск я проводил в подмосковном Доме творчества писателей «Переделкино», откуда рукой подать до Михальского. Но не звонил и не встречался с ним вовсе не потому, что не хотел этого или он разочаровал меня в чем-то. Более того, я – человек, обычно не избегающий застолья даже с незнакомыми людьми, когда выпадает такой случай. И с какими дружескими объятиями и каким щедрым застольем встретил бы меня мой друг, для меня не было и нет никаких сомнений. Но я не понаслышке знаю, как неприятно бывает садиться за письменный стол на следующее утро после обильных возлияний предыдущего дня. Да еще на другой или третий день к тебе в Переделкино нагрянет сам Михальский: этого не избежать, потому что ты уже пригласил его к себе с ответным визитом. Тем временем о переделкинском отшельнике узнает и другой дагестанский писатель и мой друг – Владимир Портнов. И как я буду выглядеть, если не дам знать о своем приезде земляку, моему вечно молодому профессору от Бога и лучшему другу красивых женщин Ахмеду Шамову? А еще – близкому мне по духу человеку и замечательному башкирскому писателю Ямилю Мустафину? Минимум еще человек пять мог бы перечислить, встреча с которыми для меня была бы праздником души. И тогда дом творчества превратился бы в дом отдыха, а лучший дом отдыха для литератора – тишина и одиночество.

Когда я так оправдывался, жена моя Патма, не любящая красивых и громких слов и ставящая искренние человеческие отношения превыше творческих и служебных связей, грустно заметила: «А ведь вы с Вацлавом дружили не просто как писатели, а как братья».

Мне еще раз стало совестно за себя. Поистине: кому не стыдно, тому весь мир – Багдад.

И вот в эти дни не столь приятных раздумий моих мой старший друг – брат, человек энциклопедических знаний не только в области медицины, но и литературы и искусства, к слову, сам автор трехтомника прозаических и поэтических произведений Ибрагим Ахмедханович Шамов привез мне подарок из Москвы – книгу В.В. Михальского «Адам – первый человек», вышедшую в свет в 2014 году в издательстве «Известия».

Извинившись, я отодвинул в сторону Ги де Мопассана, собрание сочинений которого уже более месяца занимает все мое свободное время, и распахнул новую книгу друга.

Вдруг во мне и вокруг меня запахло ароматом быстротечной юности, когда человек воспринимает окружающую реальность через легкокрылые мечты и потому не тяготится убогостью происходящего. Я не верю, когда в моем народе говорят: «Пепел не вспыхнет, прошлое – не вернется». Не знаю, как насчет пепла, но прошлое ко мне вернулось. С сосущей ностальгией вспоминаю тихую петровскую Махачкалу: с местами асфальтированными, но в большинстве своем мощеными улицами; с одноэтажными и двухэтажными частными домами; с продавцом керосина, дудевшим в дудку, лениво плетясь за арбой с бочкой керосина, которую чинно и благородно тащил лопоухий осел; с женщиной

в платке и длинном платье с ведром простокваши в одной руке и пустой банкой для мерки – в другой, ловко ныряющей по дворам с криками: «Кому югурт? Кому югурт?..»

Помню забавный случай, когда в городе ослов было больше, чем машин. Они, шляясь по газонам и садам, щипали траву, портили цветы, гадили на улицах. Вышедшие из себя работники горисполкома загнали в большой двор наиболее злостных ослов и ждали, пока заявятся хозяева, чтобы наложить на них штраф. Но ни в первый, ни во второй, ни в третий день никто не явился, а кормить и поить их было нечем, и работники исполкома вынуждены были разогнать их.

Нас не удивляло ни то, как милиционеры ночами ходили по домам, штрафуя тех, кто пользуется лампочкой больше сорока ватт; ни то, как в общественном транспорте за одну остановку платили две копейки, а за пять – десять…

Много чего было – как милого, так и несуразного. Но все прошло и промчалось, друг мой. Если тогда Махачкала выглядела большой деревней по сравнению с твоей Москвой, то сейчас она сама выглядит Москвой по сравнению с тем, что было. Каких только хором и офисов, супермаркетов и ресторанов, развлекательных центров и гостиничных комплексов нет в Махачкале! Люди неузнаваемо лучше стали одеваться, лучше питаться и больше отдыхать, чем работать… Стали ли они порядочнее и благороднее – это другая статья нашего разговора. Но об одном не могу умолчать.

Я где-то писал об этом, но считаю нелишним повториться. При всех материальных затруднениях, как сказали бы сейчас, «плохой инфраструктуре», и не очень демократическом строе, какое целомудренное воспитание получали мы от родителей, бабушек и дедушек, да и окружающей среды! Чувство чести и человеческого достоинства всем обществом тогда ставилось гораздо выше любых материальных ценностей – не то, что сейчас. Родители наши, да и учителя и старшие товарищи призывали нас к порядочности, взаимоуважению, не побоюсь сказать – и самопожертвованию не бездушными красивыми словами и нравоучительными проповедями, а личным примером, разумным образом жизни. Учили нас созидательной жизни не только через физический труд, но и на волшебных народных сказках и былинах, на таких замечательных детских книгах, как «Конек-Горбунок», «Золотой ключик», «Приключения Буратино» и др.

А что мы имеем сейчас?

На созидательный, в частности физический, труд родители и дети смотрят как на анахронизм, главное – торговые сделки, бизнес, большие «бабки». В этом не было бы ничего плохого, если бы добивались своей цели не за счет ущемления интересов другого, а ***соблюдения человеческой порядочности***. Детей теперь не воспитывают, а оказывают им образовательные услуги. И что предлагаем мы детям читать? Вот названия некоторых книг: «Папа пьет, потому что ты плачешь», «Новая папина жена, которую зовут Роберт», «Где бы ты хотел быть похоронен?», «Это просто травка» – книга, посвященная марихуане…

Чудесный век, дорогой Вацлав, но ужасные сердца! Потому и вдвойне благодарен тебе, что ты окунул меня в тот несказанный волшебный мир прошлого. Мне вовсе не хочется оказаться в положении того человека, о котором говорил народный поэт Дагестана мудрец Абуталиб Гафуров: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, прошлое выстрелит в тебя из пушки».

В этой небольшой и, казалось бы, незатейливой повести, несущей в себе и за собой большой энергетический заряд прошлого в драгоценный мир будущего, твое художественное слово окрепло как никогда. Я читал многое из того, что писали о твоем творчестве известные критики и литературоведы. В целом каждый из них дает довольно верную и высокую оценку твоим произведениям. Но меня не устраивает их общая тенденция: все говорят о том, какую актуальную

тему ты поднял, что хотел таким-то героем сказать, как это хорошо и своевременно. Ничего против такой оценки не имею, но из статей их не вижу, в чем художественные особенности твоего творчества. Попытаюсь хоть в какой-то степени восполнить этот пробел.

Итак, о чем повесть?

Детские и юношеские годы герой повести провел в тридцатые и сороковые годы прошлого века в пригороде под заманчивым названием Гургур-аул. Отца лишился еще в раннем возрасте – умер в сталинских застенках, оклеветанный молвой. С матерью был разлучен и жил у дедушки Адама с бабушками. За обаяние и великодушие люди назвали деда «первым человеком».

Жил герой, как живут обычно дети и подростки, предоставленные самим себе. Учился ни шатко ни валко, но был наблюдателен и сметлив. И рассказывает он о себе без прикрас – без какого бы то ни было желания выдать себя за особенного человека. Отношением его к окружающим людям и природе, животному и растительному миру определяется степень его порядочности как человека и таланта, как будущего писателя. Будем говорить об этом в той последовательности, какую представляет нам повесть.

Привожу один абзац из 4-й страницы книги:

«Особенно прекрасна бывала моя малая Родина летом, на рассвете. В ветвях раскидистого тутового дерева за нашим домом как бы нечаянно и спросонку начинали робко чирикать воробьи. На скотном дворе, просыпаясь, мукали коровы и в полной тишине звучно чесали шершавыми, длинными языками свои тощие длинные шеи. Желтовато-серая, густая даже на вид вода в нашей канаве текла медленно-медленно, как бы превозмогая сладкий предутренний сон. Канава была в ширину метров пять или семь, а по крутым откосам ее берегов стелилась колючая ежевика и стояли высокие ломкие кусты цикория, сплошь увешанные белыми виноградными улитками. Как я узнал лет через сорок, эти улитки считались во Франции изысканным лакомством, но от нашего двора до Франции было далеко, и улитки стояли нетронутыми».

Чувствуете, какая живописная картина природы возникает перед вашим мысленным взором?

Чтобы заметить, как в ветвях раскидистого дерева воробьи утром, словно бы «нечаянно и спросонку начинали робко чирикать», а на скотном дворе «просыпаясь, мукали коровы и в полной тишине звучно чесали шершавыми языками … тощие шеи», в канаве «как бы превозмогая сладкий предутренний сон» медленно текла река … повторюсь, чтобы заметить и так живо запечатлеть это, недостаточно быть обычным наблюдателем, надо иметь васнецовский взгляд художника-живописца и тургеневскую душу преклонения перед природой как перед женщиной. А каким благоговейно-жизнеутверждающим аккордом звучат словно бы случайно оброненные автором слова о том, что во Франции этим самым виноградным улиткам давно пришел бы конец, а у нас они, на радость им самим и во благо нашей природе, остаются целыми и невредимыми!

Может, это всего-навсего один удачный эпизод в повести?

Ан нет!

Буквально через несколько страниц (на 12-й) читаем такое описание ночи:

«Ночь опускалась всегда внезапно. На высоком черном небе выступали лучистые и как бы острые звезды, и скоро становился виден зыбко светящийся, словно крупитчатый Млечный путь. А когда разгоралась полная луна, крупные звезды теряли свою острую лучистость и становились яркими переливчатыми камешками, а совсем маленькие – золотыми блестками на черно-синем фоне бесконечно далекого неба. Как правило, именно в этот час позднего вечера на дальних окраинах виноградников зарождался многоголосый гам, в котором было всего понемножку: и

плача, и хохота, и стонов, и криков отчаяния. Эти смешанные звуки, летящие в темноте чуть колеблемых ветром виноградных лоз, приближались со скоростью бегущей собаки и все плотней и плотней обступали нашу усадьбу».

Чуете, как одушевлена ночь? Как автор пропускает через свое сердце (а значит – и вы, читатель!) *крупные звезды, теряющие свой блеск при возгорании луны, а маленькие – начинающие сверкать золотыми блестками на фоне черно-синего неба*?

Это вам не хухры-мухры и не халам-балам известной детективщицы Донцовой, которая ни к селу ни к городу может говорить о чем угодно и где угодно, а картина живой природы, органически связанная с существом и сущностью человека.

Чтобы как-то закруглить разговор об отношении автора к природе и природы к нему, приведу еще один пример из 15-й страницы повести:

«Среди необозримых виноградников между горами и морем, возле нашего дома у канавы, на крыше которого каждой весной расцветали алые маки, лежал большой серый камень с белыми подпалинами, такими белыми, как будто его лизнул Змей-Горыныч, лизнул и полетел дальше за тридевять земель в тридесятое царство. Не знаю почему, но я никогда не трогал тот камень руками, а только смотрел на него и думал обо всем, что было мне неизвестно и, наверное, не будет известно никогда. Было в том камне что-то неземное, мистическое. Конечно, на седьмом году жизни я ничего не слышал о мистике и даже не знал этого слова, но когда я смотрел на наш серо-белый камень, в мою маленькую детскую душу как-то само собой закрадывалось подозрение, что этот мир совсем не так прост, как я его вижу, ощущаю на вкус, слышу, осязаю, обоняю, что даже шестого чувства, которое пришло ко мне в те дни в саманной яме, когда я безуспешно пытался освободиться от собственной тени, и то недостаточно, что есть еще что-то неведомое… »

Читатель вправе спросить: «Ну и что ж тут такого необычного в том, что автор описывает камень, лежащий возле дома? Это одна из простейших подробностей быта, заметить которую не составило бы труда ни для рядового журналиста, ни для начинающего писателя!»

Да, на это можно было бы не обратить внимания, если бы эта незначительная, на первый взгляд, подробность в дальнейшем не превратилась бы в художественную деталь, характеризующую автора как профессионала высокого класса.

Теперь уже автору не седьмой, а тридцать седьмой год, когда он по воле случая очутился в Греции, в том самом порту Кавала, откуда еще в 1923 году пришли в Россию его деды Степан, Адам и бабушка Нюся. И вот что читаем на 150-й странице книги:

«… А когда увидел камень-близнец, все мгновенно поплыло у меня перед глазами, я с трудом устоял на ногах и невольно ухватился за дверную притолоку таверны. Не хочу выражаться красиво, но иначе, кажется, не получится: я почувствовал нечто странное – меня ослепила на мгновение ярчайшая вспышка, и я физически, и всею душою, и умом, и сердцем вдруг увидел и почувствовал, словно наяву, как между камнем, который лежал у портовой таверны, и камнем моего детства на берегу канавы у нашего саманного дома замкнула вольтовая дуга, родилась четвертая форма состояния вещества – плазма… »

Видите, как и какими гранями заиграл обычный камень, лежащий возле саманного дома, о какой связи времен он заговорил?

В сочинении автора, если оно становится настоящим художественным произведением, ничего случайного не бывает, вернее – все случайное переходит в закономерное, ибо все, что происходит в мире, взаимосвязано и взаимозависимо.

Я рад, что эту сложную связь времен, событий, явлений удалось тебе верно уловить, дорогой Вацлав!

Теперь поговорим о том, в каких взаимоотношениях ты с животным миром.

Был у тебя пес по имени Джигит, отношения с которым у тебя сильно улучшились после того летнего вечера, когда ты вместе с ним отбил нашествие шакалов.

К слову, портретная характеристика действующих лиц произведения, будь то люди или животные, растения или насекомые – один из важных признаков мастерства писателя.

Недавно я в четвертый раз перечитывал «Войну и мир» Л.Н. Толстого. Стал выписывать имена действующих лиц. Когда дошел до ста – перестал: терпения не хватило. Но ни одно имя всуе не произнесено. За каждым именем возникает его неповторимый внешний облик,

органически связанный с внутренним миром. Уму непостижимо, как это автору удавалось!

И то, что ты придаешь серьезное значение портретной характеристике героев, делает тебе большую честь, друг мой Вацлав!

Твой Джигит (для кого – Джиг, для тебя – более ласкательное Джи) был рослым псом на толстых лапах, с большой головой и заметной бороздой посередине лба, широким носом и черными ноздрями. Можно только позавидовать тому, как сильно любил ты его и как доверительно беседовал с ним: «Я болтал моим языком без костей, а Джи разговаривал глазами. Не очень большими, чуть-чуть миндалевидными глазами редкого для собак серо-зеленого цвета. У меня глаза тоже были серо-зеленые, так что мы с Джи понимали друг друга с полуслова. В обычное время выражение глаз у Джи, как и у всей его породы охранных собак, бывало злое, а во время наших разговоров эти злинки гасли, и вместо них вспыхивали очень добрые, очень умные, все понимающие искорки, мелькание которых я читал, как мысли моего Джи. Дураки те, которые говорят, что собаки не разговаривают. Разговаривают, и еще как! Мы говорили и о зимних пастбищах на Черных землях, и о горах, и об овцах, и о доярках (совсем чуть-чуть), но главное – о войне… »

Такими же разумными существами являются молодая кобыла Сильва и другие животные и птицы, пасущиеся на страницах этой прелестной повести.

Однако, друг Вацлав, в одном случае по отношению к Джи тебя подвело чутье: ты вынудил его выть вместе с плачущими старухами и молодыми доярками во время получения похоронки о гибели молодого бойца Алимхана. Это не совсем соответствует действительности. Дело в том, что Джи по природной сущности своей будет выть не тогда, когда близкие Алимхана получили весть о его смерти, а в день самой смерти его (а еще точнее – перед самой смертью его), ибо собаки чувствуют смерть близкого или знакомого человека задолго до того, как он испустит дух, – независимо от того, как близко или далеко он находится. Было бы куда верней и психологически мотивированней, если бы Джи завыл во дворе в часы гибели Алимхана, а люди терялись бы в догадках, по какому поводу пес поднял такой вой; а после похоронки кто-то обязательно вспомнил бы и пояснил, что собака не выла со всеми вместе потому, что свое уже оплакала. Еще никому не удалось объяснить, почему собака раньше других чувствует смерть близкого человека и воет, подняв морду на луну, а когда ее нет – на звезды, но это неоспоримый факт.

Но не очень переживай, пожалуйста, Вацлав!

На собаках и котах везло только Сергею Михалкову. Он написал более тридцати детских пьес. Одной из неудачных оказалась «Раки». Автора эпиграммы не помню, но эпиграмма запечатлелась в памяти:

Его везли и кот, и мышь,
Он ездил на собаках,
Сергею Михалкову лишь
Не повезло на «Раках»!

На собаке не очень повезло не только тебе, дорогой Вацлав, но и твоему кумиру Антону Павловичу Чехову, на чей знаменитый рассказ «Дама с собачкой» не раз ссылаешься в повести. Ты хорошо знаешь, Чехов учил собратьев по перу: если, мол, в первом действии на стене висит ружье, то где-то в последующем оно должно выстрелить. Не правда ли, золотое правило?

Но как «стреляет» его собачка в рассказе?

Под впечатлением твоей повести я еще раз перечитал «Даму с собачкой» и делюсь с тобой: собачка в этом рассказе не играет той роли, какая предназначена ей как самим названием повествования, так и его содержанием.

Вспомним начало рассказа:

«Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитриевич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами. Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиц.

И потом он встречал ее в городском саду и на сквере по нескольку раз в день».

На протяжении всего рассказа только раз Гуров поманил к себе этого белого шпица, и то в день знакомства с Анной Сергеевной. И все: больше ни Гурову, ни Анне Сергеевне, а значит – и автору шпиц этот не понадобился! Ничего удивительного нет в том, что Гуров из Москвы приехал в чужой город к Анне: вещи нравятся свои, а жены – чужие. Удивительное в том, как повели себя Гуров и шпиц: «Парадная дверь вдруг отворилась,

и из нее вышла какая-то старушка, а за нею бежал знакомый белый шпиц. Гуров хотел позвать собаку, но у него вдруг забилось сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица».

А ведь Гуров и в Ялте не знал, как зовут шпица. Когда он неоднократно встречался, обедал, гулял с Анной, нигде шпиц не появлялся, будто его и вовсе не было – даже когда Анна уезжала, и Гуров провожал ее. Читателю оставалось догадываться, то ли Анна подарила шпица кому-то, то ли он отдал концы, попав под машину… если бы он в доме Анны не появился за старушкой. По логике вещей, по собачьей природе, шпиц не мог не среагировать (хорошо ли, плохо ли) на своего знакомого, увидев Гурова через небольшое время у себя. Но автор обходит это молчанием, а значит, собачка не несет собой той смысловой нагрузки, какую заложил автор названием рассказа, то есть не «стреляет», слабо действует как подробность, а как художественная деталь – и вовсе не проявляет себя.

А ведь шпицы – порода очаровательных, обычно веселых и ласковых собачек, послушных хозяевам. Быть может, потому и завела его Анна, чтобы как-то скрасить свое глухое одиночество? И он стал не нужен после появления Гурова? Какая чеховская драма здесь заложена, мимо каких возможностей прошел автор!.. В этом смысле, на мой взгляд, рассказ «Спать хочется», в котором подробности и художественные детали задействованы по всей площади произведения, а значит – «стреляют» стопроцентным попаданием по мишеням. Правда, при перечитывании рассказа, возникает невольное ощущение излишней драматизированности его, но здесь классик ни при чем: на вкус и цвет, как говорит мой внук Асланбек, все фломастеры разные.

Да простит меня Антон Павлович за несуразное мнение темного горца, но Аллах тому свидетель, что я искренен и в заблуждениях своих! Тем более, меня можно простить хотя бы и потому, что я, ссылаясь на классика, как-то утешил своего друга, стучащегося в классики.

Это небольшое лирическое (а может, антилирическое?!) отступление не помешает мне продолжить разговор о портретных характеристиках героев повести.

Автор повести создал целую галерею портретов бабушек и дедушек, по которой можно ходить и засматриваться как на нечто новое, неизвестное и привлекательное.

Вот, к примеру, портрет одной из бабушек – Марии Федоровны, которую автор ласково называл Бабук: «У нее было очень ясное, светлокожее лицо, немного одутловатое, в едва приметной сетке мелких-мелких морщинок. Такую чистую, тонкую кожу, какая была у моей Бабук, принято называть королевской. В молодости она бывает прекрасна. У Бабук были очень густые пепельно-белые волосы, такие, что издали было понятно: перед вами пожилая женщина. Да, было понятно и издали и вблизи, что очень пожилая, если бы не глаза… на лице восьмидесятилетней Бабук сияли, иначе не скажешь, да, именно сияли и лучились темно-карие большие глаза шестнадцатилетней девушки, перед которой весь мир – едва раскрытая таинственная книга, глаза, полные доверия к жизни и восхищения каждой минутой бытия».

Вам не кажется, что автор слишком идеализирует свою бабушку?

Вполне возможно. Но послушайте дальше: «Такие сияли глаза, а сама Бабук была совсем другой – равнодушная и к людям, и к животным, и к растениям, и даже к погоде за окном. Главные ее слова были: «ниц ни бэнди», что в переводе с польского: «ничего не будет». Даже утром она не считала нужным заправлять свою постель, потому что «вечером все равно спать».

Лица людей, Вацлав, ты изучаешь как новую увлекательную книгу, неторопливо перелистывая страницу за страницей и вчитываясь в каждую строчку. Тебе удалось уловить многие штрихи, не заметные на взгляд обычного человека, но выдающие характер того или иного типа. Главное же в том, что ты даешь портрет не в застывшем его фотографическом изображении, а в динамическом развитии и диалектическом противоречии. По портретам твоих героев (в этой повести – особенно бабушек!) можно писать целые диссертации.

Теперь, пожалуй, пора перейти к твоему растительному миру.

Приведу всего два примера.

«А по другую сторону водораздела, как нескончаемые войска на марше, шагали шеренги виноградных лоз, подвязанных на палках – таркалах. В зыбком полусвете последних предрассветных минут темные листья виноградника пестрели белесо-голубыми купоросными пятнами и угрюмо поблескивали пока еще тусклыми каплями росы на них» (5-я страница).

«Огород был маленький-маленький, наверное, меньше двух соток. Почему такой маленький? Да потому, что иметь большой огород в те времена было «не положено». Но и на этом крохотном клочке земли возле дома тетя Мотя успевала вырастить за долгие дни нашей ранней южной весны, за жаркое лето, за всегда погожую и теплую осень два, а то и три урожая овощей. У нас были свои картошка, зеленый лук, морковка, бурак, капуста и зелень всякого рода: петрушка, укроп, кинза, рейган, мята. Чуть не забыл огурцы – в изобилии! Ну и, конечно, репчатый лук, чеснок, огненно-горький красный стручковый перец – последний специально для деда Адама: и в борщ, и в водку дед всегда клал красный горький перец и считал его важнейшим лекарством от всех болезней» (31-я страница).

Говорить о *шеренгах виноградных лоз, шагающих как нескончаемые войска на марше, об их угрюмых, как еще только-только проснувшиеся люди, листьях и видеть в красном горьком перце важнейшее лекарство от всех болезней* – не это ли лучший признак единения человека и растительного мира?!

Значит, растительный мир, живущий на страницах повести, чувствует себя вольготно благодаря бережному и взаимоуважительному отношению к нему человека.

Но хочу сказать еще об одной, вернее – главной, особенности повести, о которой коротко упомянуто в издательской аннотации: «Новая повесть Вацлава Михальского «Адам – первый человек» не похожа на все предыдущие работы автора. Читатели, знакомые с повестями «Баллада о старом оружии», «Катенька», «Печка», с романами «17 левых сапог», «Тайные милости», с эпопеей «Весна в Карфагене», найдут в новой повести много неожиданного как в стиле и манере изложения, так и в самом материале этой небольшой книги … »

В чем же своеобразие этой новой повести, ее стиля и манеры изложения, хотя я и не вижу существенной разницы между словами «стиль» и «манера изложения»?

А ведь те особенности художественного слова, о которых уже говорилось, в той или иной мере были присущи и предыдущим произведениям Михальского. И что же нового внес он повестью «Адам – первый человек»?

Дело в том, что в повести автор не стал строго придерживаться тех рамок, какими пользовался раньше, создавая то или иное произведение. Все жанры и стили смешались в одной небольшой повести. Но это смешение не только не испортило структуру повести, но и стало почти незаметным для читателя потому, что автор, накопив определенный опыт в разных жанрах, почувствовал себя свободным от условностей и стал работать как Бог на душу положит.

Хотите насладиться реалистичной прозой в духе Чехова – читайте страницы, посвященные бабушкам и дедушкам.

Вас интересует исторический аспект – читайте о том, как 330 лет до Рождества Христова Александр Македонский пытался покорить Дербент, и что из этого вышло; или же – как город Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) получил свое название в честь Тамерлана-завоевателя.

Нужна научно-популярная информация – к вашим услугам великий сербский изобретатель Никола Тесла, живший в США и занимавшийся вопросами передачи электрической энергии на расстояние без проводов.

Ищете марктвеновские приключения – знакомьтесь со школьной жизнью героя повести.

Тянет вас к булгаковской фантасмагории – переселяйтесь вместе с героем в Грецию, где он, напившись сорокапятиградусной ракии, как ни в чем ни бывало беседует с ушедшими в мир иной бабушками и дедушками.

Не хватает солженицинской публицистики – перелистайте последние пять-шесть страниц повести, где автор сообщает, о чем не успел, но хотел бы сказать. Я посчитал было страницы эти лишними, не представляющими художественной ценности, но подумал: почему превеликому Льву Николаевичу Толстому можно завершить роман «Война и мир» четвертым томом, исчерпав все события, на которых он строился, но потом еще и продолжить мудрые размышления на более чем ста страницах, а другу моему Вацлаву Вацлавовичу Михальскому нельзя еще на пятишести страницах выплеснуть себя?

Правда, у нас говорят: «Овчину выделывай с равными себе». Но если соревноваться только с равным, далеко ли пойдешь? Неспроста ведь родилась поговорка: «Если пастух захочет, и из сыворотки брынза получится».

Дерзай, друг Вацлав: у тебя вся получится!

Засим – твой Магомед-Расул

Евгений ТАРЛАНОВ

«Ruskая чурка»

Каждая из литературных эпох (об этом можно говорить, начиная едва ли не с «Парижских тайн» и «Агасфера» Эжена Сю) отражает миропонимание своего времени именно в массовых жанрах. Можно прибавить, что нигде это миропонимание не отражается так броско и ярко, как отражается оно в детективе. Детектив в том романтическом виде, как его привыкли понимать многие, в особенности, из читателей советского времени, – вообще говоря, примета очень стабильных эпох, и расстановка его героев воплощает в себе известное единство совести частной личности и правовой логики действий государственной власти. Так, в викторианской обстановке начала века, среди винтажных фото 20-х и 30-х или только что ушедшего в прошлое быта 60-х и 70-х Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, а вслед за ними и сименоновский комиссар Мегрэ восстанавливают извечную и всем понятную справедливость.

И лишь в последние четверть века сюжеты детектива в России, окончательно утрачивая малейшие следы всякого романтического ореола, вслед за жизнью закономерно начали развертываться в обстоятельствах, где, по словам одного из новых классиков жанра, «убийства происходят в мире, где гангстеры правят народами и едва ли не правят городами, где гостиницы, многоэтажные дома и известные рестораны принадлежат людям, обогатившимся на публичных заведениях, где кинозвезда может быть наводчицей воровской шайки», и, наконец, «мэр города посмотрит сквозь пальцы на убийство, если оно помогает нажиться».

Так писал о месте действия своих книг американец Реймонд Чандлер, но эти слова, относящиеся к США 30–40-х годов двадцатого века, верны и по отношению к России 90-х и 2000-х.

В выдвинутом на премию «Большая книга» романе-поэме поэта и переводчика Сергея Соколкина «Ruskая чурка» и в самом деле есть как будто бы многое от созданного Чандлером и Чейзом жесткого детективного стандарта американского бестселлера.

Мы, например, обязаны сразу же предупредить читателя о двух преднамеренных убийствах, которые совершает на страницах книги изображаемая с авторским сочувствием героиня, артистка девичьей вокальной поп-группы, из мести за поруганную честь и гибель любимого человека, – однако авторские художественные решения, цели и замысел не имеют ничего общего с какими бы то ни было детективными стереотипами.

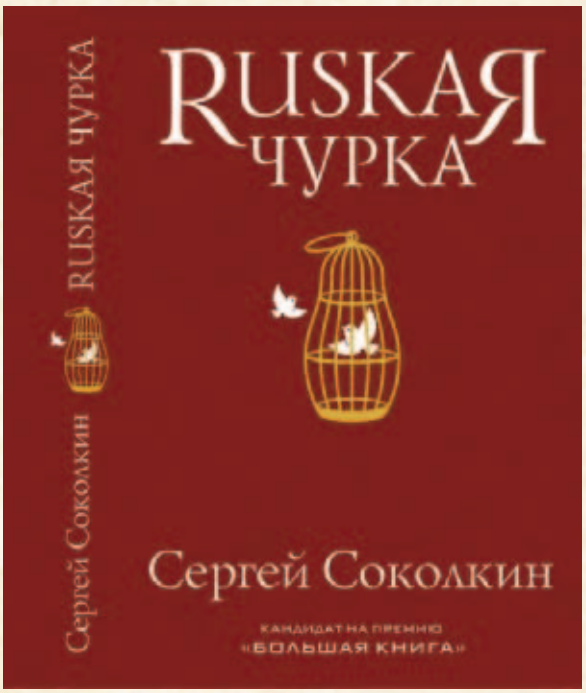
Сюжет, стиль, исторический фон событий в книге Соколкина дисгармоничны, нелепы и подчас попросту вульгарны, на первый взгляд, но дисгармонии и вульгарности в «Чурке» ни на йоту не меньше, чем в реальной русской жизни девяностых, нулевых и десятых.

В принципе, туда вошла целая эпоха нашего бытия от Белого дома в 1993 до чеченских войн и даже украинского кризиса, объединившая в себе героизм и коррупцию, политическую клоунаду и трагедию разбившихся надежд.

Роман Сергея Соколкина при желании можно прочитать как сатиру на массовую культуру, пряное и едкое повествование о закулисье безликого конвейера производства «фабрики звезд» – индустрии постсоветской российской попсы, однако такая интерпретация авторского замысла представляется несколько узкой.

Многочисленные альковные сцены и уголовные приключения, вполне справедливо присваивающие книге рейтинг 18+, – в конце концов, лишь щедрая дань бульварному шаблону, ширма которого скрывает истинную

ее проблему, философскую и социальную. Проблема эта – отсутствие в сегодняшней России и межнационального доверия, и, увы, знания собственной культуры вообще. И видна она, в первую очередь, в заглавии, куда вынесено оскорбительное наименование «нерусских» выходцев с Кавказа и Средней Азии, строго говоря, совершенно не входящее в число выражений хорошего тона.



Отметим, что о «хорошем тоне» в старомодном значении печется мало кто из толпы главных и эпизодических героев, наводнивших собой Москву начала нового столетия. Банкиры, генералы милиции, депутаты Госдумы, звезды и массовка эстрады, министры, мэры из новых русских и полковники-афганцы из советского прошлого, всегда готовые на разнообразные услуги, как и вокзальные бомжи, говорят (и думают!) на языке, где это слово, напротив, является еще одним из наиболее приличных. Массив персонажей романа как раз и заполняет собой «базар житейской суеты» (так переводилось лет 150 назад заглавие романа Теккерея), а если угодно – ставящий всех в единый ранжир всероссийский Черкизон под сенью расстрелянного парламента. Воображение автора непрестанно импровизирует некую полудокументальную, почти газетную, хронику, переходящую в репортаж из недавнего прошлого. В аллегорической панораме музыкально-политической богемы, населенной эстрадными дивами и кумирами Долининой, Аллегровян и Кирркоровым, армейскими генералами Победовым и Пельменниковым, полковником Клочковым, редактором крупной газеты Пороховым, модным скульптором Цуриндели и серым кардиналом власти Чибасом, пляшут странные отсветы «Острова пингвинов» Анатоля Франса и еще более – «Королей и капусты» О. Генри, однако все это формирует главное: своеобразный кинематографический эффект присутствия и, соответственно, доверие читателя. О нем мы еще будем говорить, но вернемся к чисто внешней канве сюжета.

Героиня романа Алина Валинурова, полурусская-полутатарка, уроженка Махачкалы, занесенная непредсказуемыми ветрами новой России в Москву, вполне подходит под взятый в заглавие расхожий ярлык уличного восприятия «чурки»: природа наградила ее очень яркой восточной внешностью. Игра провидения приложила ко всему этому вдобавок и явный вокальный талант. У 23-летней выпускницы музыкального факультета дагестанского пединститута сильный, «почти оперный» голос, предвещающий головокружительную карьеру на эстраде. С самого начала сознательной жизни в героине созревает возмущение запретами местного быта. Оно сказывается во многом, – и, в частности, в снисходительном презрении к своему «местному» поклоннику-однокласснику Магомеду Каримову, сыну милицейского начальника. Щеголяя в консервативном южном городе откровеннейшим мини, девушка демонстративно принимает православное крещение. Когда же еще в махачкалинские студенческие годы ее душу безжалостно ломают об колено пятеро местных же кавказских насильников (добавим, что узнав обо всем, двоих из них верный Магомед несколько позже отправляет в мир иной), в ней окончательно поселяется болезненная идиосинкразия и неукротимая ненависть к «дагам» и «чуркам», ко всему дагестанскому, кавказскому, – и мусульманскому. Обманутая мошенником-продюсером дагестанской вокальной группы, Алина оказывается без копейки на Казанском вокзале. Молодая певица, подающая очевидные надежды, ведет в Москве жизнь женщины «без

комплексов», пользующейся всеми услугами богатых друзей, по преимуществу финансистов, до тех пор, пока не попадает в поле зрения Александра Глынина, известного поэта и заметного деятеля шоу-бизнеса. Глынин и предлагает ей петь в созданной им вокальной группе русский патриотический репертуар.

Фигуры Глынина и его друга, редактора оппозиционной газеты Алексея Паримбетова, резко выходят за горизонты, знакомые столичным прожигателям жизни. За ними стоит нечто вообще неведомое этим человеческим экземплярам и еле ощущаемое гламурной героиней романа, – трагедия 1993 года, обозначившая тектонический сдвиг в существовании России и ее истории.

«Глынин, – излагает мысли героя уже сам автор, – даже не успел сообразить, как оказался на земле, не понял <...>, куда пропал его добрый Советский Союз, в котором он только что находился, и в котором просто немыслима была стрельба по живым невооруженным людям практически рядом с центром Москвы. В Москве стреляют по русским!!! Но об этом он подумал уже потом...».

Впрочем, по воле автора, с течением времени и Паримбетов, несгибаемый борец за правду, воюющий с распродавшими за бесценок трехсотлетнюю дубраву коррумпированными чиновниками мэрии подмосковного города, становится для Алины Валинуровой очень близким человеком. Его преследуют могущественные враги.

С этого момента элементы сюжетного действия, право же, начинают быстро меняться со скоростью кадров мелодрамы немого кино. Наймиты продажного мэра из бывших афганцев Стрекуленка избивают принципиального журналиста до полусмерти. Надежда только на немецких врачей (Алина, выкупленная у бандитов незадолго до того самим Паримбетовым, лично сажает больного на рейс), но самолет разбивается над приснопамятным Боденским озером. Негодяя-мэра, по законам жанра поднявшегося до замминистра, ждет отмщение: на палубе заказанного прогулочного теплохода оскорбленная возлюбленная погибшего Алексея наносит ему бутылкой шампанского смертельный удар в висок. Вину Алины за содеянное принимает на себя внезапно явившийся из небытия «странный человек с бородой и в черных очках», – отвергнутый, но все еще безнадежно влюбленный, отомстивший всем ее обидчикам, Магомед Каримов. Его ждет суд за участие в банде; и на последних страницах книги запутавшейся в себе женщине наконец становится ясным главное – «тот, кого я боялась, ненавидела, даже презирала всю жизнь, оказался моим ангелом-хранителем, готовым, ни на секунду не задумываясь, отдать за меня жизнь. Вот ведь кто настоящий мужик, если вдуматься».

Избитая и кричаще-яркая до дурновкусия внешняя событийная сторона романа-поэмы Сергея Соколкина на этом, собственно, и кончается. Банальнейшая бульварная мелодрама уже сыграна. Сеанс закончен, и из современного, с легким налетом ретро, иллюзиона, оглашаемого аккордами тарахтящего фортепьяно, выходят последние зрители. Закрывает новинку сезона и думающий читатель, вероятно, старшего поколения – с вопросом, что же в действительности, так сказать, по гамбургскому счету, представляет собой героиня, и уместны ли в этой легкомысленной и сальной буффонаде историко-философские споры о путях России.

И мы считаем своим долгом ответить на него.

Невероятное сочетание мотивов идеологического романа со слащавым глянцем любования новорусскими буднями в манере Сергея Соколкина готовилось еще практикой русского модерна, открывшего в восхитительной эпатажной дерзости Северянина и Набокова трагизм пошлости и пошлость трагедии. Массовиден и стандартен в московской толпе начала XXI века и портрет самой Алины Валинуровой: красота и талант не мешают ей разделять до малейшей черты заезженные националистические предрассудки этой толпы.

Они, эти предрассудки – не что иное, как штамп времени, которому сегодня иногда отдает должное и весьма респектабельная левая газета, хранительница светлой ностальгической легенды о советских годах. Не чужды были подобной точке зрения даже лет двадцать тому назад и воззрения некоторых больших русских писателей, – что тут говорить о раскрученной певице! Постперестроечная

российская суета и шоу-бизнес отлично обходятся, скажем прямо, безо всяких символов культуры и большой истории. Абсолютно не случайно той же Алине, запойно и не без сладострастия проваливающейся в купленное на неведомом книжном развале подпольное издание «Mein Kampf», кажутся апологетикой фашизма в стильных костюмах и великие «Семнадцать мгновений весны» Татьяны Лиозновой. Невероятно фантасмагорический (но какой реальный сегодня!) коктейль арийской грезы с позитивным советским символом просвечивает в возмущенной тираде по поводу «проповеди попа о мусульманах», найденной в Сети:

«Ну да, а в космос первым мусульманин полетел... Великий Сергей Королев у себя в лаборатории тайком намаз делал... вышел на Северный полюс, основал цивилизацию Полярного круга тоже первым хачик. И войну с Гитлером выиграли мусульмане. Жорес Алферов, нобелевский лауреат, видимо, дагестанец. А Шолохов или Юрий Кузнецов, наверное, азерботы. А Георгий Свиридов кто, туркмен? … Что мусульмане могут предложить русским? Кроме спортсменов-бойцов и бандитов, что, впрочем, плавно перетекает одно в другое. Чем они еще облагодетельствовали человечество?»

Виртуальный мир – естественная стихия почти всех героев романа-поэмы. При этом действующие лица строго функциональны. Их образы и положения фактически созданы по тому же принципу, как бы при помощи онлайн-инструментов, графических редакторов, придающих любой фотографии гротескные и шаржированные пропорции комикса.

Философско-исторический смысл вставлен в заведомо доступный формат. Во времена без книги о высшей нравственной необходимости понимать другие культуры может сказать только аляповатая картинка с несложной надписью.

Такова замечательно схваченная Соколкиным истинная дисгармония XXI столетия. А между тем, мусульмане как возможные спасители традиций России встают с четкостью рисованной новеллы в рассуждениях интеллектуала, редкого в галерее фигур романа, аналитика Мирного...

Кто-то из деятелей новейшей эпохи русской литературы (Эдуард Лимонов?) броско заметил в свое время, что к жизни молодого человека из подъезда спального района московской окраины события «Евгения Онегина» имеют такое же отношение, как происходящее на планете Нептун. Начисто выпадает из культуры и посетившая православный храм в джинсах и без платка «нерусь», сама незадачливая «чурка» без корней.

Выросшая, как трава в поле, восточная красавица Алина из Махачкалы со стандартной торговой биркой RUS поначалу не имеет представления ни о русской, ни о мусульманской традициях.

Изображенная без тени снобизма, с болью и жалостью, одной из тысячи себе подобных, в финале романа она претерпевает радикальное преображение и излечивается от национальной ненависти, обретая понимание справедливости, любви, долга и чести.

Суждено ли Алине и Магомеду соединиться – остается читателю неизвестным...

В истории героев Сергея Соколкина, – снимке эпохи, полном трагизма, страстной жизненности и карикатуры, есть многое от сказки для взрослых и условности японского анимационного фильма-комикса, куда нередко вкладывается совсем не мультипликационное содержание.

То, что сюжет так написанной книги о русской боли связан с Дагестаном, Кавказом, исламом, не могло оказаться случайным.

Дагестан 90-х сосредоточил в себе всю Россию – с дисгармонией, ностальгией, надеждой, религиозным исканием и карикатурой.

С озорством и мужеством автору почти «на пальцах» удалось сказать самой широкой аудитории: Кавказ несет в себе нечто, без чего Россию невозможно понять и принять в любой период ее существования.

Восстав против межнационального недоверия, автору удалось дотронуться до существенной грани великой истины, которой в этом мире призвано воплощать искусство слова.

На этом можно проститься с неформатным, озорным и добрым романом о русской трагикомедии 90-х. Книгой, которой суждено стать литературным событием.

Умайра Абдусаламова

Сим-сим, откройся!

– В чем сила, брат? – все спрашивал и спрашивал нас с экрана телевизора герой Алексея Балабанова Бодров-младший. – В деньгах сила? Нет, сила в правде…

Видимо, про эту сакральную правду никогда не слышали мошенники, проворачивающие крупные аферы, воришки, проникающие в чужие дома, щипачи в общественном транспорте. Не знал и легендарный домушник, ограбивший квартиру товарища Шпака. Не знает, видимо, и классная руководительница моей дочери, которая полтора часа родительского собрания просила нас, родителей, не производить с ней «дешевый баланс» и заблаговременно «поздравлять» ее с Днем учителя и 8 Марта. Денежными эквивалентами… Иначе эти дети будут лишены ее поддержки на экзаменах. Так и прозвучало… прямым текстом.

Что же такое деньги? Почему одни становятся миллионерами, а другие считают рубли до зарплаты? Почему из-за них некоторые терпят плевки, встают с колен и идут дальше? Почему эти зелененькие, красненькие бумажки вызывают трепет, кружат голову и заставляют многих совершать ради них, казалось бы, совершенно непредсказуемые поступки?

Современная беллетристика пестрит дешевыми изданиями: «Как стать миллионером», «Финансовое благополучие за сорок дней!», «38 секретов привлечения богатства». И даже пресловутый фен-шуй советует нам любить деньги, лелеять и разговаривать с ними. Прочитавшим эти рекомендации авторы гарантируют «прямое попадание» в денежный мешок и избавление от всех финансовых трудностей!

На торжественных мероприятиях помимо пожеланий здоровья имениннику можно услышать и пожелания большого количества денег. Понятное дело – пустой карман не решает запросы. Рублю как бы создается культ личности, ему поклоняются, поют дифирамбы и даже возводятся памятники. При финансовых крахах (вспомним нашумевшую историю «МММ») люди теряют разум и впадают в затяжные депрессии.

И лишь умные евреи при лишении капитала обращаются к богу – спасибо, господи, что взял деньгами. Если проблему можно решить за деньги, то это не проблема, это расходы. Весьма мудрое еврейское изречение: не стоит делать из денег проблему, они созданы для того, чтоб их решать, а не создавать.

Казалось бы, ну раз деньги решают все мыслимые и немыслимые запросы, раз с ними все краски мира пестрее и насыщеннее, ну так берите их и властвуйте! Но не тут-то было. Денежки-то – это не манна небесная, сверху в качестве и в количестве дождя не падают. Их надо… заработать! Умственно ли, физически ли, но поднапрячься придется. И тут-то выясняется, что напрягаться-то не всегда и не

всем хочется. И начинают многие любители легкой наживы как в диете для похудания искать быстрых путей достижения результата. Можно ведь и на гречке месяц посидеть и обручи покрутить, а можно и волшебные пилюли сомнительных производителей пару штук проглотить и вуаля: ты вновь как новенькая монета после чеканки, – именно такой результат пророчат нам стройные девушки на ярких упаковках. Так и со способами заработка. Ну, казалось бы, зачем месяц гнуть спину в три погибели ради нескольких купюр (и не всегда красного цвета), когда обычный расчет даже начинающего шахматиста ускорит этот процесс в разы без особых физических нагрузок. Пусть в последующем этот ход конем и приведет к тюремной баланде…

Поведаю вам две истории. В одной из них я была невольным свидетелем насыщения денежного кармана, – увы и ах! – не моего, а во второй – невольным главным героем (естественно, в качестве положительного персонажа). И в первом случае, и во втором показаны способы достижения денежной нирваны, только тропинки и время, затраченное в пути, в каждой истории разные.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Работаю я как-то в одной нефтяной компании, работаю, работаю… и вдруг – бац! – одна скважинка-то и прохудилась.

Главный бухгалтер, которая изначально и приняла меня на работу, была, мягко выражаясь, редкостной особой. Именно про таких, наверно, говорят – скользковатый тип. Ну да что мне до этого, – думалось тогда, – никто ведь и не обещал, что все будет без шероховатостей. К сожалению, первое впечатление не обмануло меня. В ней было что-то! И это «что-то» было далеко не изюминкой. Скорее даже безуминкой. Коллектив здесь был разнокалиберный, но почему-то из широкой неформальной массы выделялась именно она. Трудно сказать чем. То ли отсутствием лоска серьезности, свойственного главным бухгалтерам, то ли наличием легкой безбашенности, опять-таки свидетельствующей не в пользу занимаемой должности. Хороша ж нефтяная компания, где главный бухгалтер в рабочее время умудряется сидеть в «одноклассниках» и в интернет-магазинах модной одежды.

Да и внешне она была достаточно неорганична. Широкая конституция ее тазобедренного сустава невыгодно оттеняла достоинства и прелести остальной женской части коллектива. Здесь ей не было равных. В свои 42 года она умудрялась перещеголять американских кинозвезд полным отсутствием комплексов, о чем свидетельствовали с трудом натянутые леггинсы на ее нижних конечностях. Во взгляде ее карих глаз сквозила легкая отрешенность, которая не исчезала и при обращенных к ней рабочих вопросах: приходилось уходить от нее ни с чем, так и не получив вразумительный ответ – как же все-таки дебету и кредиту достичь между собой гармонии. Также временами смущали ее истошные визги на весь офис, вне зависимости о того, находились ли в этот момент в организации посетители, – это наш экспедитор мог «слегка» ее ущипнуть. Она была не в меру расчетлива, до предела безжалостна, моментами глупа и во всем этом блеске портретного коктейля «до безобразия» любила себя. Вот

именно – не в норму, как нам советуют психологи и печатные издания, а до безобразия. Напрашивался абсолютно разумный вопрос – как человека с такими ярко выраженными «главнобухгалтерскими неспособностями» могли взять на работу. Ответ на этот вопрос могли бы дать нам опять же психологи: она обладала редким даром, которому можно было позавидовать – умела убалтывать! Видимо, она в юности от корки до корки и не единожды перечитывала Карнеги.

Пересечений по работе у меня с ней практически не было. В мои основные обязанности входил учет талонов, по которым организациям выдавалось топливо. К моему рабочему складу, где хранились талоны, она не имела никакого отношения, и я как бы сама варилась в своем соку. Взаиморасчеты с контрагентами, вечный пересчет потрепанных временем бумажек, сведения остатков на складе – казалось, эти дни сурка никогда не закончатся. Тогда и не верилось, что мы на пороге грандиозного шухера, как выразился один из наших сотрудников. В какой-то момент при приеме талонов с междугородних АЗС я стала замечать наличие в стопке новеньких, абсолютно белоснежных по цвету бумажек. Довольно-таки странно, если учесть, что талоны давно не обновлялись, – компания только планировала в скором времени перейти на новые образцы. Ну да мало ли, может, лежали в загашнике у какого-нибудь дюймовочкиного крота, а теперь пришло им время увидеть солнышко. Что стоить усыпить свои подозрения, когда ты так далека от голливудских сериалов и просмотра канала НТВ?!

Прошла где-то неделя, которую я обозначу для себя в мемуарах как «неделя полосатых талонов», где при приемке вперемешку со старыми талонами четко выделялись белые полосы новых. Последняя стопка топливных единиц, пришедшая в офис с заправок, увы, была далеко уже даже не полосатой – как минимум, с печатного станка. Красивые хрустящие бумажки вызывали даже легкую симпатию, как в принципе приход всего нового и свежего в нашу жизнь. Как сорока, отыскавшая в песке блестящий камешек и желающая похвастаться своей находкой, я смело шагнула в кабинет директора. Все – учредители, директор и простые смертные работники офиса – поочередно крутили в руках мои талоны, проверяя их на наличие водяных знаков. Разве что на зуб их не пробовали. Но тщетно. Талоны были настоящие.

Почему-то эти положительные заключения никого не успокоили.

Смутные сомнения по-прежнему терзали высший электорат офиса, но Шерлок Холмс крепко спал в каждом из нас.

Легкое затишье…

До финита ля комедии оставались считанные секунды…

Ни на что уже особо не рассчитывая, управляющий заправки взял у меня из рук стопку талонов и перевернул ее: на обороте мелким шрифтом были написаны данные о производителе – наименование типографии, город, уровень защищенности, год выпуска…

Год выпуска?!

Шерлок открыл глаза.

Вот тут-то все и завертелось…

А мы-то в этом году талоны не заказывали!

Дальнейший расклад событий предугадать не сложно.

Звонки в печатный дом, быстрые передвижения по офису сотрудников с горячей новостью дня, бурное обсуждение аферы года, россыпь талонов на рабочих столах с последующим отбором новых талонов от старых. И среди всего этого шума и гама никто не заметил растерянный взгляд главного бухгалтера и ее подозрительное молчание…

…Она держалась до последнего.

Даже когда ее уводил наряд полиции.

Так и не признавшись в подделке подписи директора на бланке заказа.

Мечты о легкой наживе, конечно, окрыляют, но делают похожим на стервятника. Грань дозволенного и возможного теряется, и человек легко впадает в искушение, твердо уверовав, что фортуна улыбается тому, кого не замечает Фемида.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Помня об изречении, кто хочет разбогатеть в течение дня – будет повешен в течение года, я не искала легких путей. Да для этого у меня и не было данных. Но крыша над головой и пропитание потребны всем. Грошовая зарплата не позволяла покрывать каждый месяц плату за съемную квартиру, а пустой холодильник не мог накормить детей. Необходимо было что-нибудь срочно придумать. Видя мое «неоченьское» положение, старший брат предложил мне поехать вместе с ним на бахчу. Попытать себя, так сказать, на поприще агронома. Забыв на время о своем маникюре и высшем гуманитарном образовании, я решила рискнуть. Нужен был какой-то смелый шаг, марш-бросок, ва-банк, наконец, где на кону было бы мое светлое материальное будущее. «Помнится, Авраам Линкольн тоже сначала дрова колол, – подначила себя я, – но вот хватит ли сил у меня поднять топор?» Но, вспомнив детские ручки, тянувшиеся в магазине к полкам со сладостями, я отбросила сомнения прочь. «Все должно получиться! На то я и мать, чтоб добывать своим детям мамонтов», – повторно заверила себя я, на секунду забыв, что мамонтов по истории добывали вовсе не мамы.

Зарождение мысли – это уже половина сделанного дела. Остальную половину оставалось завершить на деле. Собрав свои скромные пожитки, я на мгновение ощутила себя Ломоносовым, идущим покорять столицу; только, в отличие от Михайлы, мне предстояло покорять два гектара твердой земли. Март месяц может для кого-то казаться теплым месяцем, но только не для тех, кто ночует в поле. Маленький балаганчик в пять квадратных метров, взятый в аренду в соседней деревне, стал моим пристанищем на долгих восемь месяцев. Холодильником работала глубокая яма, куда на ночь спускались продукты. Так в прохладе они еще день-два сохраняли свежесть. Газовый баллон выполнял свои прямые обязанности – помогал разогревать пищу и согревать в холодные вечера. Я не уставала себя сравнивать то с Робинзоном Крузо, то со Скарлетт О'Хара. И тот и этот персонаж мне были тогда близки. А днем, работая в поле, я вспоминала героев «Хижины дяди Тома» с их бесконечными плантациями и бесконечным трудом. Да и фраза – «Работать, негры! Солнце еще высоко…» – теперь открывалась для меня в более насыщенном ракурсе.

Нет-нет, в траве мелькал хвост гадюки. Говорят, их укус смертелен, но под палящим солнцем мозг атрофировался, и опасность отходила на второй план. На ночь приходилось завязывать на голову два платка – не столько из-за ночных холодов, сколько из-за крупных сороконожек, которые в темноте шипели в ухо, и лежи, гадай, пока не включишь фонарик: змея это или всего лишь толщиной в мой палец насекомое.

Первые помидоры на моем поле я встречала как рождение своих детей. Это были плоды моих трудов, это было то самое светлое будущее, «завтрашняя» крыша над головой моих детей. И пускай я выглядела на ту пору как тетенька, пересидевшая в солярии, а лицо мое было в крапинку от укусов мошкары, я ни на миг не усомнилась в правильности своего выбора.

Может, и существует в жизни лотерея, но, как не раз убеждало меня мое литературное образование, – лишь per aspera ad astra. Особо примечателен для меня был еще один эпизод, случившийся на моих «афрозаработках». Так как отделения сбербанка в поле не было, то деньги от продажи я складывала в целлофановый пакет и хранила под матрацем в своем балагане. Довольно-таки ненадежный банк, если учесть, что в поле в мой хрупкий домик Наф-Нафа мог пробраться любой. Неподалеку на соседнем поле собирали свой урожай корейцы, которые уже не раз засматривались на мою собачку мелкой породы, которая временно работала у меня «звонком» – охранником ее назвать язык не поворачивался. Защитить от грабителей она меня вряд ли могла, а вот стать деликатесным блюдом на корейском

столе – это было делом пяти минут; поэтому, помимо денег, мне приходилось охранять еще и мою собаку.

Как-то раз решилась я пойти в баню в соседнюю деревню. Так как удобств в поле не было, а запах шампуня для меня уже ассоциировался с запахом Шанели, то, недолго думая, я собрала свои банные принадлежности, не забыв и про пакетик под матрацем, и двинулась в путь. В бане мой сверток, видимо, разморило от жара, и при выходе из парилки со мной случился так сказать небольшой казус, который сейчас в своих воспоминаниях я уже определила для себя как «девальвация рубля». Мой денежный мешочек не выдержал резких температурных перепадов и… лопнул на глазах у всего честного народа. О таком грибном дождике мечтали бы наверно многие, но в более глупом положении я себя никогда не ощущала. В воздухе витали купюры, чему немало способствовала ветреная погода. Деревенские жители, на ту минуту находившиеся рядом, молча, без лишних вопросов и размышлений, помогли собрать мой богатенький урожай Буратино.

Уже будучи в балагане, я пересчитала свои сбережения.

Они все, до единого рубля, были на месте.

Так же, как и моя собака…

ЭПИЛОГ

…Сейчас у меня маленькая однокомнатная квартира. Не бог весть что, но в ней я себя чувствую английской королевой. После покупки я еще долгое время щупала стены, не веря, что это теперь мой дом, моя крепость. Для себя я навсегда осмыслила, что среди тысячи способов обогащения, которые вольно или невольно преподносит нам жизнь, никогда не нужно выбирать пути, где, возможно, твои дети будут лишены твоего общества. И даже если его нет – того самого рая в шалаше, я желаю твердо уверовать лишь в одно, – что каждый человек на свете должен щупать свои стены, а не казенные. А из рога изобилия пусть сыплется добро, в котором материальное – не первый показатель. Ну не стоят они того – эти ламборджини и туфли от лабутена.

Деньги! Деньги! Деньги, деньги… они всюду, они имеют таинственную магию притяжения. Все войны ради денег и власти, весь земной круговорот вокруг них. Я не хочу, чтоб это короткое слово делало меня заложником, заставляло зависеть от условностей жизни, я не хочу сегодня, оставшись невольно без работы, со страхом думать о завтрашнем пропитании, я не хочу, чтоб эти разноцветные бумажки были причиной преступлений и деградации личности человека.

Я лишь хочу спокойно просыпаться утром, не думая о системе «купи-продай», а уж если все же она существует, то «купить» своим детям улыбку на лице, завтрашнее солнце и даже, если надо, – здоровье.

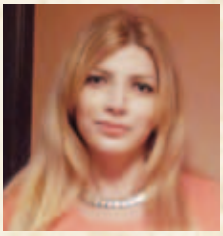
Ведь важно помнить, что «только когда срублено последнее дерево, только когда отравлена последняя река, только когда поймана последняя рыба, только тогда оказывается, что деньги несъедобны».

И пусть современные печатные издания все-таки помогут мне стать миллионером. В душе. Пусть каждый из нас станет Али-бабой своих духовных сокровищ, для открытия которых нужен будет всего лишь незначительный пин-код – «сим-сим, откройся».

Пусть я научусь ценить обычные человеческие радости.

Пусть дружба не измеряется деньгами…

Пусть Боливар вынесет двоих…



Жемилат Ибрагимова

Узы

(Отрывок из романа)

(Продолжение. Начало в № 7-9)

Летом 1934 года из Дербента пришло известие о кончине моей сестры Сахи. Это стало неожиданным ударом для нашей семьи. Ей было 26 лет. Сахи считалась самой красивой из нас – кровь с молоком, высокая и стройная, с женственными формами и хрупкими чертами. Ее сватали с 12 лет, но отец не спешил и отдал ее замуж лишь в 16. Однако за четыре года брака, не сумев родить мужу детей, она вернулась в дом отца, а через год снова вышла замуж. В Дербенте же она жила со своим уже третьим мужем Ханом Дурнаевым – наследником самого зажиточного рода в Кули, которых Советская власть, обобрав до нитки, раскулачила еще в 1929 году.

Дурнаевым принадлежали огромные площади огородов и пастбищ в нашей округе и большая часть Сургинских полей; их дети были образованны и занимали важные посты и чины при царе. Но после раскулачивания многие из них отреклись от Дагестана и былой жизни, а кто-то и вовсе подался в города и зарабатывал на жизнь грабежами и разбоями поездов – из чувства мести к искалечившей их жизнь Советской власти. Таковым был и наш зять. Он изначально никому из нас не нравился, хотя был необыкновенно хорош собой, очень богат, образован и когда-то имел чин офицера царской армии. Окончив с отличием медицинский институт в Петербурге, он некоторое время проработал военным врачом. За какие-то заслуги в годы службы Хан удостоился звания кавалера Георгиевского креста. Солдатский орден вручали офицерам в исключительных случаях.

Хан вначале был женат на Патимат – племяннице мужа моей старшей сестры Райган. Первая жена родила ему четверых детей – двоих мальчиков и девочек. Мальчики погибли еще в младенчестве, а дочерей она забрала с собой, когда ушла от мужа, как только он женился на Сахи. На том, чтобы оставить мужа гораздо раньше, еще до рождения второй дочери, настаивал отец Патимат – Ибрагим, который приходился родным братом нашему зятю Къали. Он знал зятя и хотел уберечь свою единственную дочь, ожидавшую на тот момент четвертого ребенка. В 1932 году Ибрагим забрал вот-вот готовящуюся родить Патимат в горы. Однако там женщине не было покоя от жаждущих «справедливости» односельчан. Из Кули жену «врага народа» выдворила жалкая стайка местных стукачей и кляузников, которых нисколько не смутила очевидная беременность женщины. Коммунисты угрожали сжечь дом, в котором она жила. Ибрагиму пришлось вывезти дочь из селения, так как времени на разбирательства не было.

Вторую дочь Патимат родила благодаря помощи совершенно сторонних людей – в одном из ущелий скалистых гор между Кули и Сумбатлем по дороге назад в Дербент. Девочка, названная в честь принявшей роды у ее матери женщины, родилась абсолютно здоровой и прожила впоследствии, может, и не совсем такую, как ей хотелось бы, но полезную жизнь врача и преподавателя медицинского института. Эмму Хановну, вдову известного, бывшего в родстве с Никитой Хрущевым, осетинского композитора Лёки Вада, знают многие.

Совместная жизнь у Патимат с Ханом не сложилась. Тем не менее, вторая женитьба мужа оскорбила и задела женщину.

Все свои упреки, направленные в адрес Сахи, Патимат высказывала своей родственнице Райган, – совершенно не причастной к происшедшему. Патимат – женщина гордая и знающая себе цену. Она много слышала о загулах мужа, его пристрастии к картам, беспорядочным связям и гнушалась им, а, забеременев на младшую дочь, и вовсе перестала сближаться с ним. В один из своих приездов в Кули, Хан увидел Сахи и влюбился. Ночью следующего дня он выследил момент, когда Сахи останется одна в доме своего мужа. Тайком через окно он пробрался в ее комнату и похитил, накинув на голову бурку. Неподвижную от страха и непонимания происходящего женщину Хан закинул на коня и стремглав понесся из села.

Ближе к рассвету, уже в незнакомых долинах и урочищах Сахи поняла, что с ней произошло. Но противиться не имело смысла. Ни родственники, ни сельчане у лакцев не принимают назад похищенную мужчиной женщину. Возвращение сулит позор и одиночество. Наслышанная о Хане, но ни разу не сталкивавшаяся с ним в жизни, Сахи стала узнавать новоиспеченного мужа. Необычными показались не покидавшей гор невесте забота мужчины о женщине и нежное с ней обращение. На протяжении всего пути Хан ни разу не дал своей избраннице повода упрекнуть его. Они шли на двух лошадях. Кроме двух бурок и бурдюка у Хана ничего с собой не было. Зато были деньги. Небольшой мешочек, полный золотых и серебряных монет, свисал рядом с большим кинжалом на поясе Хана. Из оружия был также небольшой мушкет с костяной рукоятью, отделанной то ли серебряной, то ли золотой насечкой.

Через несколько дней пути, миновав даргинские и агульские горы, пара оказалась на равнине. Сахи была поражена густотой местных лесов, но более всего ее впечатлили раскинувшиеся по просторным полям, словно прочесанные гребнем виноградники. Ряд к ряду, куст к кусту коряво выныривали они из-под земли, подпираемые деревянными штырями, воткнутыми в землю. Миллионы спелых ягод – темных и светлых, розовощеких и насыщенно-зеленых зрели и местами перезревали под нещадным южным солнцем, обжигающим землю и все вокруг. Середина сентября – самое время собирать урожай. Сотни мужчин, женщин и детей собирали гроздья в большие плетенные из лозы корзины, а затем, пронося их на сгорбившихся от работы спинах, выгружали – кто в чаны, а кто в огромные повозки с высокими бортами с запряженными в них волами: в зависимости от сорта винограда и его цвета. Тот виноград, что в чанах, шел на вино, а повозки с гроздями с вытянутыми, подобно пальчикам, ягодами отправлялись на дербентский базар.

И хлеб в этих краях был другой, не такой, как дома, а тонкий и сладковатый – на молоке и сыворотке, видимо. Но даже в эти моменты новых ощущений и впечатлений Сахи не переставала думать о доме – об отце, о сестрах, о племянниках. Как же она будет без них? А вдруг она их больше не увидит? Подобными мыслями она делилась и в письмах, приходивших к нам с юга каждый месяц.

Дербент встретил пару палящим солнцем. Бабье лето порой выдавалось необычайно жарким, но в этой жаре уже не чувствовалось той духоты, что бывает настоящим летом. Вечера напоминали о приходе осени. Тем не менее, для Сахи это была непривычная жара. Лучи полуденного сентябрьского солнца проникали всюду, в каждый угол дома и даже в каждую щель, обдавая теплом каждый камень этого пыльного южного города у моря. Море казалось особым зрелищем. Темно-голубые его воды на горизонте сходились с синим небом, но слиться воедино им будто бы мешала тонкая незримая черта, проведенная меж ними неведомыми силами.

Город был переполнен людьми разных внешностей и вероисповеданий. Были и привычные лица: даргинцы, в основном говорившие со всеми на турецком, а также рутулы, агулы и кюринцы. Встречались и русские – потомки слободчан, поселившихся еще в прошлом веке близ Дербента. Однако больше всех бросались в глаза

представители смуглолицых южных народностей в чудаковатых головных уборах. То были горские евреи и персы.

Сахи одолевали смешанные чувства. С одной стороны, это было ожидание новой жизни с супругом, который впечатлил ее и сумел завладеть сердцем даже за столь короткий отрезок времени. С другой стороны, ей не давала покоя тревога за будущее без родных и близких, вдали от дома. Единственным, о ком она не думала, был ее муж – теперь уже прежний. Она не собиралась выходить за него замуж, а когда отец все же отдал ее, то каждый день ей приходилось слышать оскорбления. Сначала о том, что ее вернули в отчий дом, а затем о том, что она бездетна.

Первые дни Сахи в Дербенте были похожи на сказку. Купаясь в дорогих подарках и посещая интересные места, она не задумывалась о плохом и не ведала о порочной жизни нового супруга. Не ведала она и о том, откуда у него брались деньги на ее роскошные наряды, золотые украшения восточных умельцев и бесконечные походы по ресторанам. Переживания появились позже, когда не понимавшая доселе, от чего с Ханом не ладила его первая супруга, и почему его сестры неохотно общаются с ними, Сахи начала осознавать, во что ее втянули. Обласканный за ночь посторонними женщинами, Хан приходил домой под утро, дремал весь день, а к вечеру вновь пускался во все тяжкие. Уговоры Сахи начать нормальную жизнь на него не действовали.

Ей хотелось оставить мужа и вернуться в Кули. Но отец не суетился, так как особенно не переживал по этому поводу. Мачеха частенько тешила его разговорами о том, как повезло Сахи со столь знатным и красивым мужем. Когда же папа наконец спохватился, то было слишком поздно. Хан заразил жену некой грязной, переходящей лишь от близости мужчины с женщиной, болезнью, от которой она слегла, а затем полностью ослепла и спустя месяцы мучений умерла. После смерти Сахи Хан не прожил долго. Он промотал все свое состояние на женщин и кабаки, играя в карты и рулетку. Спустя несколько лет во время грабежа товарного состава, следовавшего в Баку, его убили большевики.

Мой сильный и здоровый отец, внушавший страх врагам одним своим суровым видом, плакал – тихо и отчаянно. Меня же, вдобавок к этому, мутило от всего, что происходило вокруг. Осенью я родила дочь и назвала ее в честь своей скончавшейся сестры. Забот по дому заметно прибавилось, несмотря на то, что сбор пшеницы и картофеля закончился, и не было надобности выходить с утра в поле. Однако каждый день мне приходилось вставать до восхода солнца, чтобы отогнать крупную скотину на пастбище. Возвратившись в дом, я начинала выпекать хлеб. Затем, накормив грудничка, принималась готовить завтрак. После завтрака надо было сходить за водой и прибраться в доме и в хлеву до обеда. Днем я занималась пряжей или сбивкой войлока для обуви. А вечерами, поужинав

и убравшись, я до глубокой ночи под свет керосиновой лампы садилась шить одежду себе с Рамазаном и девочкам.

Отца я старалась навещать хотя бы через день, тем более что моя Патимат чаще жила у них, чем дома, называя Хадижат мамой. Он тогда уже совсем поник, будто что-то чувствовал. Дела шли все дурнее: власть советов, вернее, горстка местных прихвостней во главе с Нажмудином Самурским, ее представлявших, на все накладывала руки. Каждый день отец проживал как на пороховой бочке в ожидании чего-то худшего. Смерть дочери надломила его. Ко всему прочему его угнетали мысли о сыне, боли в ногах у которого усиливались с каждым днем и отдавали в голову. Мы были благодарны жене Абдурашида – доброй девушке, неустанно заботившейся о его здоровье. Тем не менее, брату становилось все хуже и хуже. От боли он не спал ночами и стонами будил других. От кого-то отец услышал, что в Гунибе есть источник, исцеляющий подобные болезни, связанные с ногами и суставами, но у него никак не хватало времени собрать коней и отправиться к нему.

Шли дни, отец все глубже уходил в себя. Дурные предчувствия не покидали его. В России пошли новые волны репрессий после убийства Кирова. Отец не пропускал ни одной газеты и зачитывал нам странные статьи о каких-то методах коллективизации и искоренения классового неравенства. Иногда он принимал все на свой счет и озвучивал мысли о том, чтобы зарезать всю оставшуюся скотину до того, как ее отнимут. Но коров итак оставалось немного.

Их тихо обирали из года в год. Вместе с тем был введен налог на имущество, обязывавший каждый месяц отдавать часть его в пользу государства. Уставший от поборов, отец начал постепенно выносить из дома все оставшееся: ковры, украшения, ткани, – отдавал это на хранение своим родственникам, которые впоследствии решили не возвращать ничего ни хозяину, ни его детям. Мне до сих пор обидно видеть на чужих стенах отцовские ковры, которые по сей день радуют своих новых бессовестных хозяев. По Кули уже ходили слухи о повальных арестах кулаков и конфискации их имущества в пользу колхоза. Только вот отец до последнего момента не верил в то, что его – красного партизана, как-то коснется это. А мысли о возможности подлого предательства со стороны своих же сельчан и даже родственников ему и в голову не пришли бы. Я и сама в это не верила, стараясь всякий раз утешить и приободрить его:

– Ты ведь не украл ничего, не убил никого? Ты заработал каждый рубль своим огромным трудом, своими бесчисленными стараниями. Ты знаешь цену каждой своей скотине. А Советская власть – она справедливая, она за трудящихся! Тем более что ты воевал за нее. А тех, кого надо было, уже раскулачили в 29-м.

– Дочка, власть, пришедшая ценой крови и подлости, не может быть справедливой. А вступив когда-то в войну за нее, я совершил огромную ошибку. Много бед нас ждет впереди…

Слова отца будто врезались мне в душу настолько глубоко, что забыть я их больше не смогла. Они с тех пор внушили мне ненависть к стране советов и всем ее вождям.

Беспокойство и волнение отца продолжало расти, но в глубине души его еще теплилась надежда на лучшее.

Как-то утром соседка – жена сотрудника НКВД, ненароком обронила в сторону стоявшего у годекана отца фразу: «Кажется, за тебя уже взялись, База…» Тогда-то он всерьез засуетился. Через несколько дней от Рамазана я узнала, что отец обменял пятьсот своих лошадей на пятьсот лезгинских ковров. Как оказалось, он закопал их за дальней горой. Мой бедный отец попытался также спрятать и свои сбережения, плоды многолетних трудов – сундук, полный золотых и серебряных монет николаевского времени. Он замуровал его в стену. Но к тому времени, когда мы узнали об этом – ни ковров, ни денег не оказалось на месте. Письма, в которых он писал о деньгах, многократно перечитывались, прежде чем попали нам в руки.

Саид Ниналалов

Деньги

Девяностые годы – годы нищеты и богатства, разрухи и процветания, упадка и подъема. В эти годы на поверхность всплывали, сколачивали огромные состояния и затем исчезали в далеком тумане люди, которые совсем недавно, в восьмидесятые, были совершенно никому не известны.

К 97-му году закончился период «воздуха» – фальшивых авизо и первой приватизации – того же «воздуха» – ваучеров, которые скупались за бесценок и менялись на крупнейшие в стране заводы и фабрики. Позорным миром и унижением косноязычного премьер-министра огромной страны закончилась первая чеченская кампания, погубившая много ни в чем не повинных людей. Из населения страны волна за волной высосали деньги финансовые пирамиды – как общероссийские, так и местечковые. В стране было какое-то затишье.

Создавалась новая гигантская пирамида – уже государственная, которая еще ударит по каждому россиянину в следующем году, когда посыплются в никуда государственные казначейские обязательства, и лысоватый мальчик в очках на экране телевизора будет что-то объяснять, кивая сам себе головой, на фоне огромной надписи «МАРАТОРИЙ». И эта ошибка, допущенная 1-м каналом российского телевидения, скажет понимающим людям гораздо больше, чем слова этого мальчика: бегите, покупайте доллары, пока не началось. Но уже началось… Но все это будет позже…

* * *

Заканчивался 97-й год. Все спокойно и вроде хорошо. Одни работают и пытаются зарабатывать, другие «крышуют» работающих и зарабатывают точно, третьи обманывают работающих и крышующих и зарабатывают иногда.

Магомед работал в службе безопасности аэропорта «Таш». Огромное зачуханное здание аэровокзала пропахло неустроенностью, неуютом, ржавчиной осыпающихся металлических ромбов, покрывавших его стены. Они когда-то своим ярким золотым блеском служили элементом декора, украшением зала, а теперь, когда со дня последнего ремонта прошло 20 лет, своими тусклыми желтыми пыльными бликами усугубляли и так не лучшее впечатление от зала ожидания.

Огромный зал ожидания, не согревавшийся даже самым жарким летом, источал морозную сырость. Сыростью дышали грязные, осыпающиеся стены, и ею же дышали многочисленные вылетающие и провожающие. Они толпились у касс в поисках билетов, у окошка регистрации, держа перед собой вожделенные билеты, у единственного на весь аэропорт упаковщика, у буфета, в котором торгуют сомнительного вида бутербродами и такой же сомнительной водкой, и, наконец, у выхода на посадку.

Магомед, черноволосый спортивного сложения молодой человек лет под тридцать, занимался привычным делом – он перемещался по залу от одной группы людей к другой, короткими взглядами окидывая пассажиров, с некоторыми из них здороваясь за руку. Он обошел все узловые точки в зале и подошел к кассам.

– Магомед, салам! – К нему подошел высокий шатен одних с Магомедом лет.

Магомед протянул незнакомцу руку, которую тот крепко сжал холодными пальцами.

– Ты меня, наверное, не помнишь, я друг твоего одноклассника Гаджи, мы с ним учились в одной группе в медицинском институте, и с тобой тоже не раз встречались. Я Керим.

Магомед присмотрелся к шатену.

– А-а, помню, конечно, помню! Как ты, Керим? – спросил он с воодушевлением человека, который узнал старого друга, но в голосе легким диссонансом чувствовалось сомнение.

– Я хорошо, живу в Москве, работаю в клинике зубным врачом. К родителям приехал, женить

меня хотят. Думал, еще дома побуду, но с работы вызывают, один врач заболел и работы невпроворот, говорят. В Москву надо вылететь, а билетов нет, и теперь с утра тут торчу. Ты можешь помочь с билетом?

– Сейчас попробую, – ответил Магомед без особого энтузиазма. – Если у Эльмиры есть билет, мне она не откажет. Ей накинешь немного сверху, и все будет нормально.

Магомед подошел к кассам, через головы столпившихся безбилетников заглянул в правое окошко, поймал взгляд кассирши Эльмиры, и кивнул ей головой на Керима. Эльмира в ответ слегка закатила глаза кверху – показав этим движением, что она очень загружена работой, да и с билетами большая проблема – но тут же еле заметно кивнула головой.

– Керим, увидел? Вот к третьему окошку подойдешь, Эльмира сама тебя подзовет. Дай ей паспорт, в него вложи деньги, и получишь свой билет.

* * *

Суета продолжалась, приближалось время вылета самолета в Москву, толпа отъезжающих длинной змеей втягивалась в накопитель, провожающие потихоньку отсеивались.

Магомед немного устал от этой толпы и уже с нетерпением ждал отлета самолета. Это был последний на сегодня рейс в Москву, и после его отлета работа для Магомеда заканчивалась.

– Магомед, выручай! – колобком летел Рамазан, пухлый и низкорослый торговец валютой.

Он минимум раз в неделю отправлял в Москву большие суммы денег, и получал из столицы доллары, которые расходились по многочисленным пунктам обмена валюты города Анжи-кала.

– Что случилось, Рамазан?

Их связывали давнишние деловые отношения – Магомед помогал гонцам Рамазана с крупными суммами денег проходить все досмотры, конечно, не даром. Оба были довольны этим сотрудничеством. Магомед зарабатывал на этом неплохие деньги. А Рамазан был спокоен, что никто не полезет в сумку с деньгами, что они не пропадут, что к гонцам не будет сильного внимания многочисленных сотрудников милиции, снующих по аэровокзалу.

– Сегодня мне в Москву некого отправить. Думал, тут знакомого найду – как назло, никого нет. Есть у тебя кто-нибудь вылетающий?

– Нет, сегодня никого из знакомых не было, – ответил Магомед, думая о Кериме.

Керим – знакомый его знакомого, пусть даже друг его друга, как-то не вызвал доверия. К нему обращаться почему-то не хотелось. Чем-то он не понравился Магомеду. А сформулировать, даже самому себе объяснить причину этого, Магомед не мог, да и не хотел.

– Ты же знаешь, я в долгу не останусь! У меня большой заказ на валюту! Мне надо 13 миллионов рублей отправить, – трагическим шепотом произнес Рамазан.

– Это же больше двух миллионов долларов! – ужаснулся Магомед, глядя на огромную сумку Рамазана.

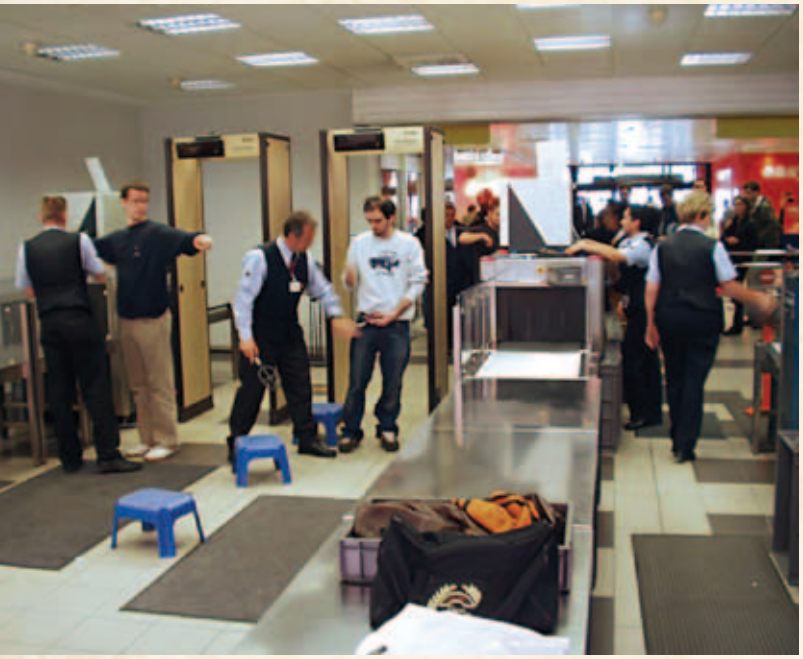
– Два миллиона, три миллиона, какая разница? Они все равно не твои и не мои! Я их собирал по всем точкам, по всему городу, понимаешь? Сегодня не успею – завтра уже не нужно будет. Помоги, да! Время идет!

Магомед выдержал паузу, делая вид, что это очень большая проблема, и сказал:

– Есть тут один человек, Керим зовут. Он друг моего одноклассника, но я его сам лично не знаю, и отвечать за него не буду. Познакомлю тебя с ним, хочешь – отправляй, а не хочешь – не отправляй с ним деньги.

– Да ладно тебе, знаю, не знаю! – прервал его Рамазан. – Тут в аэропорту ему отдали деньги, там точно так же в аэропорту забрали. В чем ты опасность видишь?

– А кто его знает? Короче, делай, как хочешь. Сейчас я тебя проведу в накопитель, познакомлю с ним, а там сам решай, отправлять или нет.



* * *

– Он со мной, – Магомед показал на Рамазана сержанту, стоявшему у камеры досмотра, через которую пропускали и просвечивали ручную кладь пассажиров.

Рамазан бросил на вращающийся барабан свою сумку, она поплыла к камере, а сам прошел к другой ее стороне, куда сумка выкатилась после «досмотра». Керим сидел среди других пассажиров в накопителе и лениво листал глянцевый журнал. Керим, увидев Магомеда, который явно кого-то высматривал, удивился его появлению в накопителе, встал и подошел к Магомеду.

– Магомед, ты кого ищешь?

– О, Керим, тебя как раз и ищу! Тут к тебе небольшое поручение. Сумку сможешь в Москве передать?

– Конечно, главное, чтобы встретили, я потом по городу не хочу с этой огромной сумкой таскаться!

– Не волнуйся, брат, эту сумку встретят! Еще как встретят! Ты выйти из самолета не успеешь, а тебя с этой сумкой будут встречать!

– А что там в сумке? Чего ее так встречают? Если что-то незаконное, я не хочу проблем!

– Какие проблемы?! Там деньги, – понизил голос Рамазан и назвал сумму.

Керим нервно сглотнул и спросил Рамазана:

– А это не опасно? А вдруг за нами следят? А вдруг сумку проверят? Что я им скажу?

– Не боись ты! – Рамазан начал терять терпение. – Сказали, все нормально. Не в первый раз отправляю. Я опишу, во что ты одет, и тебя встретят. Сергей Перезвонов, наш московский партнер. Я ему так и скажу – худой парень в кожаном плаще и каракулевой шапке.

Керим вцепился обеими руками в сумку и сел на свое место в накопителе.

Магомед проводил Рамазана до площадки перед аэровокзалом, на которой стоял его джип. Полученные «за помощь» деньги приятно хрустели в кармане.

* * *

Прошло минут двадцать. Пассажиры уже рассаживались по салону самолета. Магомед уже предвкушал, как вернется домой, взяв предварительно пару бутылок пива. Ничто так не расслабляло Магомеда, ничто так не отвлекало от суматошной работы в аэропорту, как пиво.

В здание вокзала не вошел – влетел взмыленный Рамазан.

– Что забыл, Рамазан? Или то, что отправил, хочешь вернуть? Поздно, он уже в самолете.

– Не вернуть. Еще надо добавить. Два миллиона привезли. Я только выехал, смотрю, машина навстречу едет, фарами моргает. Я сразу и не увидел, что это машина моего напарника. Он мне деньги и передал. Давай, помоги мне, я заплачу!

– Ладно, если трап еще у самолета, мы в него попадем. Пошли!

Магомед повел Рамазана снова через накопитель и того же сержанта на летное поле к самолету. В те годы понятие о безопасности было довольно-таки размытым, и при желании и умении подойти к самолету и даже войти в него проблем больших не составляло.

Друзья вошли в салон самолета, где совсем недалеко от выхода сидел непривычно задумчивый Керим. Он вскочил:

– Что опять, Магомед? Как вы в самолет попали? Наверно, ты в следующий раз самолет в воздухе догонишь?

– Не догоню, не догоню. В самолет попали обыкновенно, по трапу. Вот у Рамазана еще одна просьба. Открой сумку, и он тебе добавит в нее две пачки.

Добавив в раздутую и без того сумку две увесистые, высотой около 10 сантиметров пачки денег, Рамазан и Магомед вышли из самолета.

* * *

Во Внуково уже прошло 30 минут, как объявили о посадке самолета. Наконец, потянулись к выходу первые пассажиры рейса Анжи-кала–Москва. Но высокого парня в кожаном плаще и каракулевой папахе не было. Люди шли и шли, а Керим все не появлялся. Сергей встречал самолет далеко не в первый раз и ни о чем не беспокоился. Может, Керим багаж получает? Может, он в самом конце самолета и выйдет одним из последних. Но вышли и предпоследние, и последние, и самые последние, и самые что ни на есть распоследние, но Керима среди них так и не было.

Сергей точно так же, как незадолго до этого Магомед, при помощи сотрудников охраны аэропорта, вошел в самолет. Там уже не было никого. Он спросил стюардессу, возившуюся тут же, между передним и задним салонами самолета:

– Вы не видели в самолете парня? – И описал Керима так, как ему рассказал Рамазан.

– В самолете-то они без плащей и шапок, а когда они одеваются и выходят из самолета, бывает такая сутолока, что не до этого. Может, был, а может, и не было его в самолете!

На выходе для высокопоставленных персон никто не видел Керима. Никто не мог вспомнить черный плащ и высокую каракулевую папаху.

Сказать, что все были в шоке, это – ничего не сказать. Ситуация была невероятной. Самолет провожали в Москву – Керим был в нем, самолет долетел до Москвы – Керима в нем нет. Где он мог потеряться? Какая специальная структура его перехватила? Куда делся его груз – не маленькая сумма?

На вопросы ответов не было. Не было Керима, не было сумки с деньгами, не было самих денег.

* * *

Рамазан с друзьями собрались дома. Звонок из Москвы застал его в тот момент, когда он был прикован к телевизору, где шла горячая футбольная баталия. Рамазан, стирая с усов пивную пену, схватил трубку. Услышанному он не поверил.

– Алло, ты шутишь? Я вышел из самолета, оставив Керима в салоне, и после меня трап убрали! Не мог он испариться! Где вы его потеряли? Не встретили, что ли? Опоздали? – трезвея, кричал в трубку Рамазан.

– Какие тут могут быть шутки?! Нет денег, которые ты отправил! Что нам делать?! С кем ты их отправил? Где теперь его искать? К кому обращаться? Кто возместит эти деньги?! Ты, наверное?! – Сергей рубил фразу за фразой, и эти фразы молоточками вбивали в виски Рамазана острые гвозди боли.

– Сергей, я не в первый раз делаю отправку. Не в десятый раз. И, наверное, уже не в пятидесятый раз… – Выпитое пиво улетучилось из Рамазана, как будто его и не было. – И ни разу прокола не было. Ни разу копейка не исчезла.

– Все бывает в жизни в первый раз. Ты расслабился и прокололся. – Голос Сергея стал каким-то усталым и безразличным. – Теперь будем тебя напрягать. Тебя, и всю цепочку – как ты решал с отправкой, через кого нашел курьера. Все получат свое. А деньги отдашь ты.

И Сергей положил трубку. Рамазан до трех ночи пытался ему перезвонить, но результата не было. Он понимал, что его слушать никто уже не будет.

* * *

И начались проблемы. У Рамазана, у Магомеда, у Гаджи, у родителей Керима. И начался прессинг. Рамазана, Магомеда, Гаджи, родителей Керима.

– Мы не знаем, где наш сын, – чуть не плакал папа Керима, профессор Мединститута. – Он работал в Москве в какой-то клинике, снимал квартиру, но где именно он работал, где жил – мы не знаем.

– Когда деньги ему давали, вы мне позвонили? – шел в атаку Гаджи. – У меня 20 одноклассников, 150 однокурсников, и что, теперь каждому деньги будете раздавать?! Если бы мне позвонили, и если бы я сказал, что ему можно верить, любые претензии я принял бы.

Хуже всего пришлось Магомеду. Его вывозили в горы, пытали, прижигали сигаретами. Обвиняли в том, что он специально разработал операцию с исчезновением и тоже собирается сбежать к Кериму при первой же возможности. Магомед ни в чем не признавался, так как признаваться ему было не в чем, а заставить оговорить себя Магомеда так и не смогли.

Рамазан продолжал работать, и потихоньку гасил образовавшийся безумный долг. Организаторы всей этой довольно прибыльной деятельности посчитали, что один битый волк лучше двух небитых и продолжали доверять Рамазану, но проверяли каждый его шаг.

* * *

В октябре 2002 года, почти через пять лет после истории с исчезновением Керима, его однокурсник Гаджи прилетел в Вену на выставку стоматологического оборудования. Гаджи уже третий год, как открыл в Анжи-Кале небольшую клинику, которую назвал незамысловато «Анжи-дент». Он понимал, что клиентов можно привлечь двумя главными принципами работы – чтобы клиент, находясь в «пыточном кресле», забывал напрочь о зубной боли, и чтобы результат любой процедуры полностью устраивал клиента. Для этого нужен был серьезный подход и серьезные траты. Искать новое и современное он отправился заграницу.

Шел третий день выставки. К концу дня изрядно уставший Гаджи решил просто пройтись по городу и развеяться. Немного поблуждав, он выбрался на одну из центральных улиц внутреннего города – Кернтнерштрассе, с безразличным видом прошелся мимо дворца Эстерхази и зашел в небольшое кафе неподалеку.

Около получаса Гаджи возвращался в расслабленное состояние, снимая с себя усталость маленькими глотками черного горчайшего кофе. Он смотрел на улицу. Мимо окон кафе шли люди. Гаджи ощущал себя наблюдателем, который испытывает удовольствие от разнообразия типов и характеров людей, проходящих мимо экрана – окна кафе. Направо прошел молодой священник в черном, навстречу ему не спеша, увлеченная разговором и никого не замечающая, прошла молодая пара, за ней шел высокий худощавый шатен.

Гаджи не поверил своим глазам. Он чуть не опрокинул свой столик, резко толкнул дверь, и под окрик недоумевающего официанта вылетел на улицу.

– Керим, это ты?! Ты что тут делаешь?

Керим, который был уже в нескольких метрах от кафе и продолжал удаляться, вздрогнул и остановился. Он обернулся с кривой и растерянной улыбкой. Керим не знал, что говорить, что делать, как вести себя.

– Ты где пропал, Керим? Ты не знаешь, что дома происходит? Какие проблемы были у твоих друзей, у твоих родственников? У твоего папы инфаркт был. Это ты знаешь? Где тебя только не искали? По больницам, по моргам. Мать плачет все время, это же мама твоя, ты что творишь? Да, и какие-то ребята иногда о тебе спрашивают. Какие проблемы у всех из-за тебя, ты это знаешь?!

Взволнованный неожиданной встречей Гаджи говорил и говорил, а Керим как-то успокоился и собрался. Когда Гаджи наконец замолчал, Керим посмотрел ему в глаза и ответил:

– Гаджи, я знаю одно: у меня есть два миллиона долларов. Я живу, и буду жить так, как хочу я. И идет все остальное к черту!

* * *

Деньги. Для кого-то это просто денежки, для кого-то – главное дело жизни. Кто-то живет для больших денег, кто-то щедро тратит и разбрасывает их для хорошей жизни. Искушение большими деньгами – это очень сильное испытание. Совершенно обычный парень Керим испытания не выдержал. Двух часов перелета хватило, чтобы из самолета вышел уже другой человек. Человек, потерявший стыд и совесть.

Керим поступил очень просто – спрятал папаху и плащ в свою дорожную сумку, а в аэропорту Москвы он устроился среди ВИП-пассажиров, сунул тысячу рублей водителю микроавтобуса, для них предназначенного, и вышел на площадку перед аэровокзалом «Внуково» через ВИП-зал. Затем он поймал такси и, не торгуясь, уехал в город. Дальше он прятался в Москве, менял рубли на доллары, искал способы вывезти деньги за границу и уехать самому. Но это уже другая история…

РоссельхозБанк

Ставки снижены!

Кредит на любые цели

г. Махачкала, пр-т Р.Гамзатова, 93, тел: 8 (8722) 67-57-20
г. Махачкала, пр-т И. Шамиля, 40 "д", тел: 8 (8722) 55-09-69

Всю информацию об условиях предоставления продуктов ОАО "Россельхозбанк" вы можете получить по телефону 8 800 200-02-90, на официальном сайте www.rshb.ru и в офисах ОАО "Россельхозбанк". Генеральная лицензия Банка России № 3349 (бессрочная). Реклама

Звонок по России бесплатный
8 800 200-02-90 | www.rshb.ru

Дом успешных людей

Жилищно - торговый комплекс
«Ренессанс палас»

1. Клубный дом на 24 квартиры и 3 пентхауса
   - на этаже 3 квартиры:
   одна двухкомнатная 136 кв. м.
   две трехкомнатные 171 кв.м.

2. На верхних двух этажах 3 пентхауса: 322 кв.м., 322 кв.м., 277 кв.м.
3. Двухуровневый подземный паркинг на 200 а/м.
4. Наземный паркинг на 60 а/м.
5. Трехэтажный торговый центр площадью 14 000 кв.м.
6. Над торговым центром расположится двор для жителей дома площадью 5 000 кв.м.

Срок завершения строительства жилого дома
Июнь 2015 г.

Срок завершения строительства торгового центра
Декабрь 2015 г.

☎ 8 928 678 4000, 8989 678 4000
www.renaissance palace.ru